

Локальные войны: люди, события, судьбы

Сборник воспоминаний
студентов, сотрудников и
гостей колледжа «Царицыно»

ЛОКАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ: ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, СУДЬБЫ

*Сборник воспоминаний студентов, сотрудников и гостей
колледжа «Царицыно»*

Москва 2016

УДК 37.035.6

ББК 63.3

Локальные войны: люди, события, судьбы: Сборник воспоминаний студентов, сотрудников и гостей колледжа «Царицыно» / ред.-сост. А. Ф. Балашова. – М.: Издательство колледжа «Царицыно», 2016 - 95 с.

Редактор, составитель А. Ф. Балашова

Дизайн, вёрстка М. Б. Фадеева

В книге собраны воспоминания об участии в локальных войнах студентов, преподавателей, сотрудников и гостей колледжа «Царицыно». Книга будет полезна историкам, этнографам, фольклористам, социологам, психологам, педагогам, изучающим курс устной истории студентам вузов, а также всем, кто интересуется историей России. Помимо размещения воспоминаний участников военных конфликтов сборник содержит ряд научных статей, в которых проанализирована война в Афганистане с позиций историка и филолога (фольклориста). Кроме того, в книге уделяется внимание внеклассным мероприятиям, связанным с рассматриваемой темой, приводятся художественные тексты.

УДК 37.035.6

ББК 63.3

© Коллектив авторов, 2016

© Колледж «Царицыно», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя.....	5
А.Ф. Балашова. Фольклорные мотивы и сюжеты в воспоминаниях о локальных войнах.....	9
Д.В. Плюйко. По страницам воспоминаний участников войны в Афганистане.....	12
1 глава. Участники локальных военных конфликтов – сотрудники колледжа «Царицыно».....	17
Кравец Юрий Анатольевич: «Служба состояла из учений, несения караула, военных операций»	17
Корнеев Григорий Михайлович: «О боевых действиях на Северном Кавказе».....	19
Ожгибесов Сергей Юрьевич: «Мой боевой путь».....	27
Фролов Владимир Викторович: «Для кого война – мать родная, а для кого – тётка дурная».....	30
2 глава. Участники локальных военных конфликтов – родственники сотрудников и обучающихся колледжа «Царицыно».....	33
Панин Павел Вячеславович (автор – О.А. Ульяновская).....	33
Ветеран войны в Афганистане Наумов Валерий Викторович: «Повидал, повоевал, остался обычным человеком...» (автор – И.В. Томашонок).....	34
Я горжусь своим папой! (автор – К. Богданова).....	56
Гуриков Андрей Анатольевич: «Война – это неотъемлемая часть жизни» (авторы - Е.Гурикова, А.Гурикова).....	60
Испытания судьбой Олега Гагарина (автор – А. Сурикова).....	62
Воин-контрактник войны Осетия – Грузия Кузьмин Роман Алексеевич (автор - С. Хромова).....	68

3 глава. Участники локальных военных конфликтов – гости колледжа «Царицыно».....	69
Встречи с интересными людьми в колледже «Царицыно».....	69
Писатели рассказали студентам колледжа «Царицыно» о войне в Афганистане.....	71
Студентам колледжа «Царицыно» рассказали о войне в Чечне.....	79
4 глава. Когда говорят пушки, музы не молчат – стихи гостей и обучающихся колледжа о войне.....	83
Стихи Хайдара Сулеймановича Бедретдинова.....	83
Стихотворение Дмитрия Викторовича Записного.....	88
Стихи студентов колледжа «Царицыно».....	89

Локальные войны: люди, события, судьбы

От составителя

Пусть живые запомнят, и пусть поколения знают

Эту взятую с боем суровую правду солдат.

Семён Гудзенко. Мое поколение

Хотя война ставит, быть может, целью спокойствие,

но она несомненное зло.

Лао-Цзы

После Первой и Второй мировых войн земли европейских государств испещрены воронками, как ранами. Казалось, больше войн не будет. Человечество должно усвоить страшные уроки. Но не усваивает...

15 февраля отмечают не все, и, естественно, не с таким размахом, как 9 Мая. Тем не менее, дата, напоминающая о том, что именно 15 февраля 1989 года последние советские войска покинули Афганистан, – это День памяти о россиянах, исполнявших служебный долг за пределами Отечества. Участники Великой Отечественной полагали, что после такой страшной войны распрей и кровопролитий больше не будет, но проходит время, и ошибки прошлого повторяются. Мир, свободу, а порой и непонятные участникам событий ценности постоянно приходится защищать.

В последние годы интерес к локальным войнам возрастает, в т. ч. в мировом кинематографе, дающем различные интерпретации событиям. В популярном у российской молодёжи британском сериале «Шерлок» доктор Ватсон – ветеран Кандагара, отслуживший 3 года в Афганистане. И он постоянно возвращается мыслями в военные события, что позволило Шерлоку Холмсу заключить, что причина хромоты – психосоматическая.

Память о локальных войнах наряду с памятью о Великой Отечественной войне продолжает жить и в России. В Интернете размещены наиболее популярные песни, связанные с событиями в Афганистане (прежде всего, это песня А. Розенбаума «Чёрный тюльпан») и Чечне («Зажгите свечи», «Привет, малышка» и др.). «Чёрным тюльпаном» называют советский самолёт Ан-12, увозивший тела

погибших советских военнослужащих («груз 200») с территории Афганистана в ходе Афганской войны.

Эти и другие песни под гитару часто исполняют музыканты на улицах и площадях, в электричках.

В феврале 1999 года в театре Содружества Актёров Таганки был поставлен спектакль «Афган» (постановка Н. Губенко), созданный на основе писем погибших в Афганистане, воспоминаний их близких, прозы А. Проханова, М. Кожухова, «афганских песен» А. Амосова, М. Захаровой и других. Эпиграфом к нему могут стать слова из этого спектакля: «На могилах напишите, что всё было зря». Как и в спектакле «Четыре тоста за Победу», на сером занавесе показаны документальные кадры. И именно эти кадры наиболее полно показывают трагедию, которой оборачивается для людей любая война.

Многие «афганцы», вернувшись на Родину, уходят в леса – становятся поисковиками. Они ищут останки солдат Великой Отечественной войны, чтобы отдать последний долг и красноармейцам, и погибшим на чужой земле товарищам, чьи останки порой не представляется возможным найти и забрать.

*В «Чёрном тюльпане» те, кто с заданий
Едут на родину милую в землю залечь,
В отпуск бессрочный, рваные в клочья,
Им никогда, никогда не обнять тёплых плеч.*

В наши дни выходит большое количество книг с воспоминаниями участников военных событий. В то же время по-прежнему обращаются к творчеству тех, кто шёл первым в этом направлении. Лауреат Нобелевской премии по литературе Светлана Алексиевич в документальной книге «Цинковые мальчики» собрала воспоминания подруг, матерей и жён советских солдат – погибших в Афганистане парней. По мотивам книги неоднократно были поставлены спектакли. Роман «Знак зверя» Олега Ермакова также является книгой, не только описывающей афганский ад, но и обращаящейся к общечеловеческим ценностям, затрагивающей библейскую символику.

Перед одним из мероприятий участник встречи со студентами попросил взглянуть на отобранные им фотографии: «То, что для меня смешно, для других может оказаться неприемлемо». Бесспорно, участники боевых действий зачастую

иначе видят окружающую реальность. В связи с этим используются понятия «афганский синдром», «вьетнамский синдром» или «посттравматическое стрессовое расстройство» (ПТСР) — тяжёлое психическое состояние, которое возникает в результате единичной или повторяющихся психотравмирующих ситуаций, к которым относится и участие в военных действиях. Людей снова тянет на войну, где проявляются подлинные качества, где не нужно соблюдать правила приличия, говорить о политике. Иногда ими движет желание отомстить за убитых друзей. Впрочем, как считают психологи, у большинства людей после психотравмирующих событий ПТСР не развивается.

Поведение побывавших в «горячих точках» иногда кажется странным для окружающих, тех, кто не был ТАМ, кто не погрузился в страшный контекст боя. Этот рассказ об одной из семейных традиций я услышала от коллеги из другого колледжа, преподавателя математики Ирины Николаевны. «Подружка вышла замуж за участника войны в Афганистане. И вот он показывал на любой праздник (Новый год, 8 Марта, 9 Мая) этот документальный фильм, и мы должны были восхищаться его мужеством».

Главная цель этнографических экспедиций — сохранение духовности, культуры. После фольклорных и диалектологических экспедиций студенты, в большинстве своём городские жители, иначе относятся к рассказам своих бабушек и дедушек (от которых ранее нередко просто «отмахивались»). Они познают Россию, узнавая о трудностях жизни в глубинке, видят подлинные произведения искусства, изготовленные местными мастерами, успевают зафиксировать и сохранить хотя бы на фотоплёнке или цифровом носителе разваливающуюся уникальную церковь VIII века или «дом-корабль» с резными наличниками, голос одинокой женщины, знающей немало сказок и легенд. Иногда пробуют ткать на кроснах половики, плести лапти и корзинки из берёсты, вязать из нитей рыболовецкие сети. Также ребята чувствуют особый дух, погружаясь в другую среду. Поэтому эту форму проведения летней практики нельзя убирать из программы, заменять чем-то другим, менее затратным материально.

Истории, услышанные во время таких экспедиций, поражают, даже если не первый год едешь в отдалённые деревни, куда порой можно добраться только на самолёте. Например, в деревне Пинежского района Архангельской области с названием Кушкопала несколько дней нас приветливо с мочёной морошкой и вареньем из брусники встречала одна из жительниц. А потом как-то обмолвилась,

что у неё единственный сын повесился в 20 лет. Сошёл с ума, вернувшись к молодой жене и ребёнку из армии: каждую ночь кричал: «Душманы лезут!» Другая женщина заметила, что часто в «горячие точки» отправляют призывников из глухих деревень, где не будут возмущаться родные, писать в различные инстанции (так как это очень далеко, а деньги на поездку найти сложно; Интернета и сотовой связи нет), а просто станут безутешно рыдать, когда привезут гроб с тем, что некогда было любимым человеком.

Не всегда на войну, ведущуюся не за своё Отечество, идут добровольно. И всё же смерть на поле брани, даже без покаяния и причастия, является праведной. «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Св. Евангелие от Матфея 5:9). А значит, согласно народным представлениям, души убиенных воинов обязательно попадут в рай, где им воздастся за все страдания.

В данной книге собраны воспоминания о войнах, которые мы больше знаем по официальным сводкам, статьям. Здесь же показан взгляд «изнутри». Особенно он ценен тем, что, несмотря на небольшую литературную обработку, тексты запечатали эмоции, детали, факты.

Работа над данным проектом в колледже «Царицыно» будет продолжаться. Планируется издание очередных сборников воспоминаний по мере накопления и обработки материала. Как сказал Константин Симонов, «У нас, у живых, нет права забывать о том, что сделали наши мертвые товарищи во имя Победы...» Но люди забывают о «священной» и «подлой» войне, и начинаются новые войны. Поэтому лишь память, не позволяющая исказить историю, и правильная интерпретация событий – это основа патриотического воспитания, необходимого для сохранности мира.

*Александра Федоровна Балашова,
преподаватель русского языка и литературы колледжа «Царицыно»,
руководитель музея «Имён связующая нить»*

Фольклорные мотивы и сюжеты в воспоминаниях о локальных войнах

Александра Федоровна Балашова

*Не пугайтесь, когда не на месте закат.
Судный день — это сказки для старших.*

В. Высоцкий

В последние годы возрос интерес фольклористов к изучению примет, поверий, легенд, преданий, связанных с локальными войнами. «На войне дурные предчувствия, как правило, сбываются. Поэтому большинство солдатских примет связаны с ожиданием несчастий – ранения или гибели – и с попытками их предотвратить, совершая какие-либо ритуальные действия. Так, поведение человека перед боем ограничено системой традиционных запретов. Существуют устоявшиеся табу в отношении вещей погибших. Почти у каждого солдата есть свой талисман, который нужно хранить в тайне, своя (часто самодельная) молитва и т. д. При этом вера в Судьбу присутствует, даже если человек утверждает, что никогда не верил в Бога» [Сенявская 1998: 2].

Многие мотивы и сюжеты (в т. ч. связанные с предзнаменованиями, знамениями, вещими снами) повторяются, напоминая об аналогичных явлениях перед другими войнами: Отечественной войной 1812 года, Великой Отечественной войной 1941–1945 гг. Ряд примет, увиденных перед войнами, совпадали с видениями незадолго до других бедствий (пожаров, наводнений). «Третью историю я слышал в детстве, когда ходил в изостудию «Люцида» в своём родном городе Сарове. Руководитель студии художник Чижов Игорь Ильич рассказывал нам историю, которую услышал от одной жительницы Алтая, когда сам был там. Она рассказывала, как в детстве видела, как однажды вдали над горой, которая была видна от их дома, появились два громадных огненных столба: красный и синий. Эти два столба стали сражаться, сражались долго, и в результате один столб победил другой, и потом оба столба исчезли. Потом, вроде бы, был пожар в одном из сёл, находящихся прямо под этой горой, но я точно не помню. Ещё эта жительница говорила, что вместе с ней эту битву наблюдало всё её село. Потом Чижов написал картину по услышанному, и жительница сказала, что это

как раз то, что она видела в детстве. И я сам видел эту картину на выставке Чижова в городском музее города Сарова» [Лебедев]. Аналогичные видения на небе были перед Великой Отечественной войной. Похожие образы видели и участники локальных конфликтов.

Нередко участники войн вспоминают, что носили крестики, иногда – иконки. Порой в ответ на вопрос о приметах участники локальных войн удивляются: «Какой талисман? Пулю для себя, гранатку запасную берегли – вот он, талисман, чтоб в плен не попасть».

В то же время можно услышать немало рассказов об оберегах.

«Ещё говорили, когда отправляешь на войну или вот на опасные дела, вот, например, у меня сын милиционером работал, вот я эти слова всё вслед ему говорила, начитывала на носовой платок, который брали с собой: «Щит мне порука, Христос мне защита, иду и везде мне всё путь и светла дорога. Аминь». Этот платок надо положить в карман. И действуют эти слова до тех пор, до первой стирки. Как выстираешь платок – всё, уже слова эти не помогают, вот.

- То есть на войну с этими словами шли?

- Да, вот в Чечню отправляли, у нас многие, и вот в Афганистан отправляли. Вот эти слова. Я давала людям. Мама давала людям. Приговаривали.

- И в Великую Отечественную?

- Да, и в Великую Отечественную. Мама говорила. Но ведь, как говорится, все под Богом, кто-то не вертается» [Синицкая].

Легенда о Тополе отражает ряд историй возвращения в мирную жизнь участников боевых действий. Герой легенды предстаёт своего рода Робин Гудом или Кудеяром (сводным братом Ивана Грозного из русского фольклора). «Он живой, но был ранен в живот, и его сочли мёртвым. Говорят, кто-то собрал в рану его кишки и зашил. Парня везли в гробу домой, и часовому послышался от гроба не то стон, не то шорох. Сказал сменщику. Тот тоже что-то услышал. Позвали начальство, открыли гроб, а парень на боку лежит. Отправили в госпиталь, а домой приехал пустой гроб. Кто говорит: через год, кто что, но когда парень вернулся домой, в его квартире жили другие люди: мать давно умерла от рака, а отец – от инфаркта при вести о гибели сына. Он и пошёл в леса за трофеями: жить-то надо. И компания у него подобралась тоже: нищие бомжи. Как они живут и работают, я не знаю. Не подличают – и спасибо. Имени его, как вы понимаете, я не назову. Видимо, есть причины у парня скрываться. Да и говорят, что это лишь легенда и

реально Тополя не существует» [Кузьмина].

Приметой грядущего начала боевых действий является массовое перемещение животных. Так, перед блокадой, согласно ряду воспоминаний, из Ленинграда бежали крысы. Аналогичные приметы были и перед началом боевых действий в Чечне. «Когда в Чечне была война, в Ставрополье волки сбегались, а раньше там их не было» [Левченко]

«Военный фольклор существовал ещё в Древней Руси, затем – в Московском государстве и Российской империи (воинские обряды и песни, былины, исторические песни, солдатские песни и сказки, предания). В первой половине XX века этот фольклор пополнился песнями Русско-японской войны (1904–1905 гг.), I Мировой войны (1918–1920), Белофинской войны (1939–1940). В период II Мировой войны, ставшей для населения России (СССР) Великой Отечественной, русский фольклор продолжил свою воинскую тему» [Зуева, Самоделова 2010: 8].

Источники

1. Зуева Т. В., Самоделова Е. А. Русский фольклор в годы Великой Отечественной войны // Литература в школе. 2010. № 4. С. 7–13.
2. Сенявская Е. Вера и суеверия на войне (на материале двух мировых и советско-афганской войны) // История (прил. к газ. Первое сентября), 1998. № 31. С. 1–3.
3. Кузьмина Ирина Викторовна, 1975 г. р. Старая Русса. Поисковый отряд «Гвардия-шкраб» (Новгород). Из личного архива А. Ф. Балашовой.
4. Лебедев Алексей Владимирович, Выпускник филологического факультета МГУ. Родился в г. Сарове Нижегородской области. Научный сотрудник музея, Санкт-Петербург. Из личного архива А. Ф. Балашовой.
5. Левченко Ирина Борисовна, преподаватель истории Колледжа малого бизнеса № 40. Москва. Из личного архива А. Ф. Балашовой.
6. Синицкая Римма Николаевна, 1945 г. р. Воспитатель в детском саду; д. Синики Устьянского района Архангельской области. Из личного архива А. Ф. Балашовой.

По страницам воспоминаний участников войны в Афганистане

Дмитрий Владимирович Плюйко

Прошло уже много лет с тех пор, когда кончилась последняя война последней империи мира - война в Афганистане.

В настоящее время человечество достигло полного понимания опасности использования ядерных арсеналов, очевидна маловероятность глобальной атомной войны. Поэтому все более распространенными и широкомасштабными становятся локальные военные конфликты, в них вовлекается все большее количество участников. Региональные конфликты прошлого требуют тщательного и всестороннего изучения: их возникновение и эскалация, мотивы участников, стратегия и тактика достижения своих целей разными сторонами, участвующими в конфликте, формы и методы, противоборства, способы военного и политического урегулирования таких конфликтов.

Афганский кризис был и по настоящее время остается одним из наиболее значимых и крупномасштабных вооруженных локальных конфликтов XX века и он с самого начала нес на себе отпечаток советско-американского противоборства.

Интересным является взгляд непосредственных участников этой трагичной для нашей страны войны. Прежде всего, это военнослужащие Советской армии, которые принимали участие в военных операциях афганской войны. Важно знать, как они оценивали войну, ее причины, последствия, каким образом повлияла война на их собственные судьбы. Существуют различные оценки советского военного вмешательства от позитивных (одобряющих решения политического руководства СССР) до полностью негативных (критика действий Л.И. Брежнева и других официальных лиц советского государства).

Значительным обстоятельством воспоминаний является осознание, и понимание причин начала войны. Зачастую авторы воспоминаний разделяют собственную позицию и мнение общества. Среди многих работ фигурирует такая точка зрения: «Знаете, мама не проронила ни слезинки, держалась изо всех сил. Я видел, что ей тяжело, что она готова была кричать от боли и обиды, что в ее глазах затаился немой вопрос: «Зачем?», на который я смог ответить однозначно: «Так надо. Это приказ» [1]. Приказ воспринимался как приказ страны, общества,

приказ морали и совести. Имели место и другие оценки, где авторы высказывали свое сомнение в том, что Советскому Союзу надо было вводить свои вооруженные силы в Афганистан. Один из участников рассуждает о том, зачем нужно было вводить армию в Афганистан, приводит слова своего уважаемого друга, который говорит о «вводе войск как личной трагедии, ссылаясь на вековую историю этой древней страны, населенной свободолюбивым народом. Он предвидел, какой длительной и кровопролитной будет эта война и сколько жертв будет с нашей стороны» [2, с.23]. Наряду с этим автор воспоминаний пишет и об американской угрозе, которая могла иметь место в Афганистане. Таким образом, необходимо отметить, что среди авторов воспоминаний не высказывалась однозначно одобрительная оценка действиям высшего советского руководства.

Значительное место в воспоминаниях составляют воспоминания о повседневных буднях армейской жизни. Кроме повествования о деталях проведения военных операций, авторы погружаются в анализ своих внутренних переживаний о своем отношении к возможным собственным страхам и героизму. Известно, что человек всегда задумывается о смысле жизни, своем назначении в этом мире, а на войне мысли об этом усиливаются. Один из военнослужащих писал, что: «В те тяжёлые годы, в самом начале афганской войны, многие, в том числе и я, вспоминали о Боге» [1]. Подобные слова встречаются очень часто и авторы сами выражают удивление этому обстоятельству. Совершенно справедливо участники событий удивляются, почему в структурах советских вооруженных сил отсутствуют представители различных религиозных конфессий. Естественно, что ответ на этот вопрос очевиден, однако сама постановка такого вопроса является важным показателем начала перемен советского общества.

Офицер пишет о том, что вера в Бога помогала военнослужащим выживать в сложных ситуациях. Немаловажно, что В.И. Гречаник упоминает о кресте как символе веры, оберегающем человека от смерти «и скажу, что за период моей службы в Афганистане такие военнослужащие не погибали. Раненые, контуженные были, а погибших нет» [3]. В некоторых воспоминаниях авторы высказались о том, что: «тогда страха не было вообще, может быть, в силу возраста или потому, что не понимали, куда попали. Ведь когда не знаешь, что тебя ждет, то не можешь оценить всей опасности ситуации и кажется, что тебя беда точно не настигнет» [4]. Таким образом, получается, что переживания военнослужащих можно разделить на 2 группы: 1) вера в Бога и высшие силы в целом; 2) надежда на

личную удачу. Трудно сейчас сказать, что именно испытывали солдаты и офицеры во время боя или спецоперации, конечно, они были в плену различных страстей. Ими овладевал и страх и героизм, благородное желание защитить свою страну и мысль о собственном выживании.

Важным обстоятельством любых воспоминаний является оценка, того как относится общество к солдатам и офицерам честно исполнившим свой профессиональный и гражданский долг. В данном случае встречаются 2 противоположные позиции (положительная и отрицательная оценка со стороны общества). Одну из них можно выявить, прочитав воспоминания В.И. Гречаника «И спустя годы думаю, что страна с нами, с первыми, кто вошёл в Афганистан, поступила не совсем достойно, вручив, и то не всем, изготовленные в Советском Союзе медали от благодарного афганского народа и **ПОЗАБЫВ НАГРАДИТЬ ОТ ИМЕНИ СОВЕТСКОГО НАРОДА**» [3]. Офицер отмечает, что «Мы были и есть лучшие представители нашего общества. Мы жертвовали своим здоровьем, а порой и жизнью ради благополучия афганского народа и Афганистана в целом. А страна не захотела по достоинству оценить вложенный труд, мужество, героизм и отвагу» [3].

Подобных упреков в сторону общества на страницах воспоминаний предостаточно. Особенно трагично воспринимались эти события, так как они проходили на фоне сильнейших перемен общества его идеологических основ. В конце 1980-х гг. все беды сложились в единое целое вывод советских войск из Афганистана, авария на Чернобыльской АЭС, сложности экономического характера, необходимость реформы политической системы общества. Учитывая эти особенности можно понять, почему на вернувшихся из Афганистана солдат мало кто обращал внимания. В литературе по военной антропологии имеется много рассуждений о надломленной психике солдат вернувшихся с военных действий. По этому поводу участник боевых действий В.А. Меримский писал, что «нужно понять психологию человека, прошедшего через войну, через смерть... он хочет всем своим поведением обратить на себя внимание и крикнуть: «Люди, ведь я через смерть прошел, посмотрите на меня, хоть похвалите. Ведь я заслуживаю вашего внимания» [6, с. 348].

У каждого человека, который прошел боевые действия, имели место именно такие переживания. К сожалению, тогда мало кто обращал на это внимание. Основная масса «афганцев» - молодые люди, попавшие на войну, не успев получить

достаточную квалификацию, создать семью, утвердить себя в той или иной сфере общественной жизни. Вернувшись из Афганистана, многие без профессии и образования, оказались никому не нужными, особенно те, кто получил ранения, подорвал здоровье, стал инвалидом. Сил чтобы полноценно работать у них уже нет, а пенсии едва хватает, чтобы не умереть с голоду.

Принятые государством меры по решению жизненно-важных проблем участников афганской войны оказались явно недостаточными, поскольку не в полной мере удовлетворяются социально-бытовые потребности ветеранов войны в Афганистане, не созданы условия для эффективного вовлечения их в социально-политическую и экономическую жизнь страны. Эта проблемная ситуация нашла свое отражение в ряде исследовательских работ, посвященных воинам-интернационалистам и процессам их социальной адаптации и реабилитации. Состояние научной разработанности проблемы и философские аспекты адаптации человека исследовали в своих работах: А.Б. Георгиевский, Н.П.Дубинин, Т.Г. Дичев, И.Д. Калайков.

На страницах воспоминаний участники войны высказали и довольно распространенную точку зрения о том, почему советские вооруженные силы пришлось выводить с территории Афганистана. В.Р. Смаров, который был командиром роты и участвовал во многих спецоперациях сказал, что: «война с партизанами самая тяжелая и самая «грязная», она имеет тенденцию, постепенно перерастать в агрессию против всей нации, от мала до велика. Достаточно вспомнить, что в 1980 году в Афганистане действовало около 20 тысяч моджахедов (душманов), а в 1987 году их было уже порядка 300 тысяч. Грустная статистика...» [7, с. 170]. Изучение воспоминаний участников войны в Афганистане позволяет исследователю по иному взглянуть на общественно-политические перемены советского общества периода перестройки, по иному высвечиваются проблемы личности, обывателя. Говоря об итогах войны, можно согласиться с выводами генерала Б. Громова: «Не существует оснований для утверждения, что 40-я армия потерпела поражение, равно как и о том, что мы одержали военную победу в Афганистане. Перед ограниченным контингентом никто и никогда не ставил задачу одержать военную победу в Афганистане» [5, с. 124]. Действительно, войска выполняли те задачи, которые им были поставлены. Они способствовали укреплению положения правительственных структур, становлению афганских вооруженных сил, осуществляли охрану и оборону важнейших государственных

и военных объектов. И вместе с тем все глубже втягивались в ход гражданской войны, что имело крайне негативные политические последствия для советско-афганских отношений.

Исследование воспоминаний позволяет предпринять попытку реконструкции факторов, влияющих на формирование и эволюцию психологии комбатантов, на их поведение в экстремальных ситуациях; изучение психологических явлений и феноменов на войне: психологии боя и солдатского фатализма; особенностей самоощущения человека в боевой обстановке; героического порыва и паники; психологии фронтового быта; выявление особенностей психологии рядового и командного состава армии, а также военнослужащих отдельных родов войск и военных профессий в зависимости от форм их участия в боевых действиях; изучение влияния вневойсковых социальных и социально-демографических факторов и параметров на психологию военнослужащих.

Список использованной литературы:

1. Андреев С.И. Мой Афганистан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://brl.mk.ru/articles/2015/02/11/eto-brat-voyna-vozpominaniya-uchastnika-vooruzhennogo-konflikta-v-afganistane.html>. – (Дата обращения: 27.06.2015).
2. Авдеева Л.Е. Раненая книга // От солдата до генерала. Воспоминания о войне. М., 2008. – 347 с.
3. Гречаник В.И. Полковым разведчикам посвящаю. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://artofwar.ru/b/beshkarew_a_i/razwedrota.shtml. – (Дата обращения: 25.12.2015).
4. Городенцева Е. Это, брат, война. Воспоминания участника вооруженного конфликта в Афганистане. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://brl.mk.ru/articles/2015/02/11/eto-brat-voyna-vozpominaniya-uchastnika-vooruzhennogo-konflikta-v-afganistane.html>. – (Дата обращения: 20.06.2015).
5. Громов Б.В. Ограниченный контингент. М.: Культура, 1994. — 354 с.
6. Меримский В.А. Загадки афганской войны. М., 2013. – 289 с.
7. Смаров В.Р. Годы службы в Афганистане // Участники боевых действий вспоминают. М., 2009. – 278 с.

1 глава.

Участники локальных военных конфликтов –
сотрудники колледжа «Царицыно»

*Кравец Юрий Анатольевич:
«Служба состояла из учений, несения караула, военных операций»*

Юрий Анатольевич Кравец, 1961 г. р., воин-интернационалист, служивший в Афганистане в 1979–1981 гг. Преподаватель колледжа «Царицыно».

Юрий Анатольевич преподаёт в нашем колледже с 2011 г. спецдисциплины. Вот что он нам рассказал о том, как попал в Афганистан.

- Когда мне исполнилось 18 лет, меня призвали в ряды Советской Армии. Моя учебная часть находилась в Полтаве, оттуда я получил распределение в г. Белая Церковь в войска связи Киевской области. Служба проходила спокойно и безмятежно, пока в один из обычных дней нас не подняли по тревоге. 25 декабря 1979 г. много дивизий из Белой Церкви погрузили в эшелоны и отправили в город Термез, а оттуда в Кабул – столицу Афганистана. 26 января моя дивизия

прибыла в Кабул для прохождения срочной службы.

- В Кабуле для нас были поставлены палатки возле дворца Амина для его охраны. Рядом располагалась 40-я афганская армия. Служба состояла из учений, несения караула, военных операций (рейдов). Учения проходили в автопарке, задача их состояла в том, чтобы артиллерийские пушки выставить в боевую позицию по определённым целям.

Историческая справка

В 1979 г. правитель социалистического Афганистана Амин был свергнут, не без помощи США, а на его место был поставлен Бабрак Кармаль. Советское правительство узнало о входе в Афганистан войск США и о размещении их ракет у границ Советского Союза: Туркменистана и Узбекистана. Так что одна из причин ввода сов.войск в Афганистан в 1979г. – препятствие размещения ракет у границ Советского Союза, препятствие распространения наркотиков и оружия в нашей стране. Разложить молодое поколение Советского Союза наркотиками и порнографией пыталась такая держава, как Америка.

Караулы заключались в охране дорог и частей советских войск. Дороги были самым опасным и незащищённым местом для наших солдат. Из всех боевых операций мне запомнилась особенно одна под названием «Газни».

Газни – это провинция Афганистана. Цель этой операции заключалась в том, чтобы поймать и обезвредить главаря банды, который управлял караваны с оружием и наркотиками. Артиллерийские войска, в которых я проходил службу, всегда первыми начинали действия: нужно было обезвредить основное скопление душманов (перевод с афг. – враг), затем начинали свои действия штурмовые войска. Опасность состояла в том, что противник был вооружён очень хорошо и оказывал сопротивление, у них были бомбы под названием «итальянки», после разрыва которых тело нельзя собрать даже по кускам. От той операции особенно запомнилась оглушительная безостановочная стрельба, в которой не видно было неба, но операция была проведена успешно.

Мне посчастливилось не получить в годы моей службы ни одного ранения, я был в числе первых солдат, которые проходили интернациональную службу в Афганистане. Но чёрным пятном в истории этой войны лежит цифра 15 тысяч погибших. Раненых не меньше, и многие остались искалеченными на всю жизнь.

*С Юрием Анатольевичем беседовали
студенты группы Р-115 Левин Иван, Зайцев Даниил.
Руководитель Головняк Марина Владимировна.*

Корнеев Григорий Михайлович:
«О боевых действиях на Северном Кавказе»

Корнеев Григорий Михайлович – педагог-организатор, преподаватель безопасности, майор запаса. 1989–2002 гг. – служба во внутренних войсках МВД РФ. 2002–2012 гг. – инструктор по служебно-боевой подготовке учебного центра ГУВД г. Москвы. С 2012 года – педагог-организатор безопасности жизнедеятельности колледжа «Царицыно». Участник боевых действий на Северном Кавказе. Награждён знаком «За службу Отечеству», медалями «За безупречную службу» 1, 2, 3 степени.

Более 20 лет прошло со времени Осетино-ингушского конфликта, но этнополитический конфликт на территории Пригородного района Северной Осетии, приведший к вооружённым столкновениям 31 октября – 4 ноября 1992 года, многочисленным жертвам со стороны осетинского и ингушского населения, так и не урегулирован. Именно за такими сухими, официальными фразами скрываются десятилетия боли, горя и большие утраты.

Исторически непростая ситуация, обострившая в регионе к началу 90-х годов XX века, воплотила в себя многочисленные этнические процессы, которые вели свое начало задолго до нашего времени.

Следует отметить, что в начале 1930-х годов на фоне формирования процесса ужесточения в нашей стране административно-командной системы был поставлен вопрос о передаче Владикавказа Северной Осетии, а уже в 1933 году Владикавказ,

переименованный в Орджоникидзе, был окончательно передан Северной Осетии. Вместе с тем, 15 января 1934 года произошло объединение Чеченской и Ингушской автономных областей. Образовавшаяся территория в 1937 году была преобразована в Чечено-Ингушскую АССР.

Не прошло и десяти лет, когда этнический процесс в регионе приобрел радикальный характер. 23 февраля 1944 года началась депортация чеченцев и ингушей в Среднюю Азию, а уже 7 марта того же года Чечено-Ингушская АССР была упразднена. На части территории упразднённой автономии была образована Грозненская область, а остальные территории были поделены между соседними Грузинской ССР, Дагестанской и Северо-Осетинской АССР.

16 июля 1956 года Верховный Совет СССР издал указ «О снятии ограничений по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей», что послужило стимулом для тысяч ссыльных семей начать стихийное возвращение в родные места.

В конечном итоге вопрос о восстановлении национальной автономии чеченского и ингушского народов был решен, о чем 24 ноября 1956 года президиум ЦК КПСС принял постановление о восстановлении Чечено-Ингушской АССР, но в несколько иных границах — Пригородный район остался в составе Северной Осетии.

Необходимо отметить, что движение ингушей за возвращение Пригородного района, как идеи восстановления исторической справедливости были популярны начиная со времён возвращения из депортации.

В 1989 году было образовано общественное движение Нийсхо, выступавшее за восстановление Ингушской автономии и передачу Пригородного района под его юрисдикцию. Однако методы и способы реализации желаний ингушского народа стали причиной событий, повлекших за собой локальные конфликты межнационального характера между осетинами и ингушами, которые в октябре-ноябре 1992 года вылились в ожесточенный вооруженный конфликт.

25-26 октября 1992 года город Владикавказ из спокойного уютного уголка кавказского благополучия превратился в пугающий местных жителей пылающий очаг межнациональной напряженности. В городе начались волнения, массовые беспорядки, нападения на воинские части, отделы милиции с целью вооружения национального ополчения. Единственным военизированным и вооруженным учреждением города благодаря четким действиям командования и курсантов осталось Владикавказское высшее военное командное Краснознаменное училище ВВ МВД (ВВВКУ).

Здание училища располагается в центре города и имеет форму крепости, во многом благодаря этой архитектурной особенности личному составу удалось забаррикадировать первый этаж здания, что способствовало возможности дать вооруженный отпор нападающим. В то время за территорией училища в Батальоне обеспечения учебного процесса (далее – БОУП) и в учебном центре, располагающемся в горах близ села Комгарон, находился весь первый курс.

Трагические события произошли при неудавшейся попытке боевиков захватить оружие в учебном центре, в результате которых героически погибли курсанты Д. Базаров и А. Тептяев, которые навечно зачислены в списки 2-го батальона ВВВКУ.

Несколько дней, проведенных на «осадном положении», укрепили боевой дух

курсантов и сделали свое дело, в силу своей горячности и бравяды, присущей молодым людям в экстренных ситуациях – мы рвались в бой!

31 октября мой взвод был отправлен в БОУП для усиления караула по охране складов обеспечения учебного процесса. Задача была поставлена предельно четко – не допустить проникновения посторонних на территорию. На складе вооружения нам выдали патроны и гранаты в неограниченном количестве, каждый взял столько, сколько смог унести. После чего вход на склад заминировали. Мы понимали, всю серьезность своего положения. В случае взрыва – это послужило бы сигналом нашим товарищам о том, что складов с оружием и взвода охраны уже нет. Несмотря на опасность, мы заняли свои позиции на крышах здания, пролежав так всю ночь и держа оружие в боевой готовности. За забором происходили страшные события: хаотичная стрельба, душераздирающие крики, звуки движения военной техники, передвигающейся по городу. Ситуация была накалена до предела!

Что мы испытали в эти страшные часы: ужас, страх смерти, нелепость ситуации – на сегодняшний день трудно переоценить всю драматичность тех событий.

Эта ночь стала началом периода крупных боевых действий. Уже утром приехали наши БТРы, на которых мы помчались в учебный центр училища. По пути в горы головная машина сбивала наспех сооруженные баррикады и заграждения, мы испытали необыкновенный душевный подъем – мы были ответственными за стабильность в регионе, от нас зависело очень многое; с нами

были преподаватели – офицеры, большинство из которых прошли Афганистан.

Прибыли на место – перед нами предстала ужасающая картина: разграбленный лагерь, похищенное оружие и амуниция, курсанты и офицеры 1 курса вынуждены были покинуть учебный центр и спастись в горах. Предстояло навести порядок. Около двух суток наши подразделения отбивали атаки местных ополченцев, рассчитывавших в случае успеха забрать и наше оружие.

По радиостанции постоянно сообщали об отсутствии возможности подкрепления и оказания нам помощи. Приходилось рассчитывать только на себя. Однодневный сухой паек закончился, поэтому в ход пошло все, что считалось условно съедобным. По ночам мы выползали под прикрытием на колхозное поле и собирали остатки несобранной картошки, съели всех собак.

Помощь пришла только через десять дней.

Потом три месяца зачисток территории, изъятия оружия у гражданского населения, наведение конституционного порядка в Осетии.

Прошло более 20 лет с той трагической даты, которая вошла в современную историю как осетино-ингушский конфликт. Сегодня мы вспоминаем и скорбим о тех, кто стал жертвами конфликта. Десятки тысяч человек остались без крова и имущества и вынужденно покинули места своего традиционного исторического проживания. Разрушены тысячи домов, стерты с лица земли более десяти населенных пунктов. Это было бессмысленное вооруженное насилие, развязанное вопреки здравому смыслу, законам гуманизма и справедливости.

В Северной Осетии вспоминают трагические события более чем 20-летней давности. 31 октября 1992 года между двумя соседними народами вспыхнул вооруженный конфликт.

В Северной Осетии проходит множество мероприятий, посвященных памяти событий осени 1992 года.

В селе Октябрьское Пригородного района ежегодно проходит церемония возложения цветов к братской могиле защитников республики, погибших при защите территориальной целостности республики. В ней принимают участие представители руководства Северной Осетии, родственники погибших в те смутные дни. Об этом сообщают в пресс-службе главы Северной Осетии.

5 ноября ежегодно проходит возложение цветов на Аллее героев мемориального комплекса во Владикавказе. В церемонии принимает участие сам глава республики Таймураз Мамсуров, члены правительства и местные депутаты парламента, представители администрации Владикавказа, военные, полицейские.

Возложение цветов на Аллее героев во Владикавказе

«События стали одной из трагических страниц в истории Северной Осетии. Погибли более сотни жителей республики. Множество людей и сегодня считаются без вести пропавшими, причинен значительный ущерб жилым домам, сельскому хозяйству», – передают в пресс-службе главы Северной Осетии.

В Ингушетии также состоялся траурный митинг с участием главы республики у Мемориала памяти жертв осени 1992 года, открытого в июне у кладбища, где хоронили жертв той трагедии.

Мемориал жертвам конфликта в Ингушетии

По оценкам ингушской стороны, конфликт в Пригородном районе унес жизни более 500 ингушей. В память о них, как рассказали в пресс-службе главы Ингушетии в вечернее небо Назрани сегодня взлетели 500 небольших воздушных шаров с зажженными факелами.

«Это было бессмысленное вооруженное насилие, развязанное вопреки здравому смыслу и законам гуманизма», – сказал глава республики.

Юнус-Бека Евкуров призвал ингушский и осетинский народы к сохранению и укреплению мира и спокойствия.

И сегодня трудно дать справедливую оценку конфликту, который не урегулирован до сих пор и в котором, по официальным данным, погибли 583 человека, 939 были ранены и тысячи стали беженцами.

Подходил к концу 1992 год, оказавшийся для меня и многих моих товарищей боевым крещением перед страшными событиями, произошедшими на Северном Кавказе спустя несколько лет.

Вспоминаю то время. Внимания заслуживает случай с маленьким красивым гражданским самолетом, который летал над нашими позициями и был стилизован под дракона. Пилот сделал крутой вираж, пролетев над нашими головами, и исчез в горах Кавказа. Откуда мы могли знать, что это личный самолет генерала ВВС Дудаева? За штурвалом сидел человек, развязавший самую кровопролитную войну в истории современной России, в которой героически погибли многие мои однокурсники, а троих из них хотелось бы упомянуть отдельно.

Как-то вместе с Женей Рындиным мы ехали в отпуск в поезде Владикавказ-Москва. Смешной, невысокого роста паренек, всю дорогу балагурил и веселился. Говорил, что обязательно станет как минимум генерал-майором и будет всеми нами командовать. Таким он и остался в моей памяти навсегда.

Из представления Президенту Российской Федерации для принятия решения о награждении государственной наградой.

О том, что недалеко от заставы крутятся подозрительные лица, сержант Алексей Золотухин, отвечающий за боевое охранение, несколько раз докладывал лейтенанту Евгению Рындиному. Застава, перекрывшая дорогу к Ачхой-Мартану, для дудаевцев как кость в горле. Рындин достал бинокль, в быстро густеющих сумерках силуэт молочно-товарной фермы был еле различим. Но сержант не ошибся: там люди. Евгений увидел в руках у мужчин стволы. Подобраться бы поближе да разведать, сколько «духов», есть ли у них тяжелое вооружение.

Так созрело командирское решение. Вместе с младшим сержантом Александром Кривоконем они скрытно направились в сторону молочно-товарной фермы. Пересекли большак и осторожно, шаг за шагом приближались к ферме. Неожиданно послышалось урчание автомобильных моторов. «Одна... две... три пары огней, — сняв автомат с предохранителя, сосчитал лейтенант. — Наши колонны в такое время не ездят. Значит, нохчи...». Потушив фары, машины остановились. Тихо хлопнула дверца легковушки. Вышедший оттуда мужчина

что-то скомандовал по-чеченски сидевшим в кузовах грузовиков. Те стали быстро спешиваться и, развернувшись цепью, двинулись к заставе, явно намереваясь обойти ее с флангов. В этот момент разведчиков и засекли. Ночную тишину вспорола гулкая автоматная очередь...

Завязался бой, который был коротким, но ожесточенным. Сначала в ход пошли автоматы, потом гранаты. Получил ранение Кривоконь. Рындин приказал сержанту отходить, а сам сменил позицию, отвлекая огонь нападавших на себя. Раненный в ноги и грудь, лейтенант Рындин продолжал вести бой, пока не кончились патроны. Потом он был схвачен боевиками. Они пытали офицера. Изуродованное мертвое тело бросили в лесу. Так они отомстили офицеру за смерть своих одиннадцати человек.

Указом Президента РФ от 25 августа 1995 года Рындину Евгению Юрьевичу присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно). Он навечно зачислен в списки личного состава воинской части.

Андрей Зозуля, мы звали его «Зоза». Полученная на первом курсе травма позвоночника и долгое лечение в госпитале, не помешали ему стать настоящим спецназовцем, сильным и храбрым человеком.

Из представления Президенту Российской Федерации для принятия решения о награждении государственной наградой.

Ранним утром 18 апреля 1995 года «Росичи» выдвинулись на штурм Лысой горы. Для лейтенанта Андрея Зозули это была уже 73 специальная операция. Несмотря на лейтенантские годы, за полтора года службы в спецназе он приобрел огромный боевой опыт. Успел отличиться и в Чечне, за что был награжден орденом Мужества.

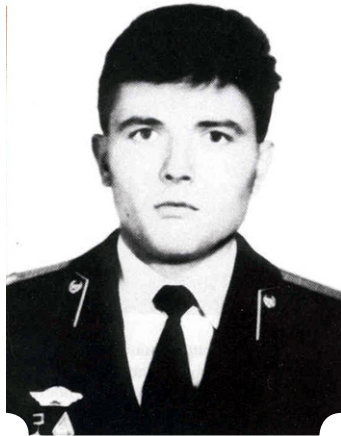
В тот день группа лейтенанта Зозули действовала на северо-западной окраине Бамута. Заняв высоту, воины-спецназовцы вступили в бой с бандитами, который продолжался несколько часов. Офицер получил тяжелое ранение в плечо, но не покинул поле боя. Он организовал эвакуацию раненых, продолжая обеспечивать прикрытие их отхода, но вскоре получил очередную порцию свинца. Это ранение оказалось смертельным...

«Росич» продержался на Лысой горе ценой жизни десяти своих парней. Спецназовцы сковали силы боевиков, отвлекли их от самого Бамута, где, зажатые в межгорье, сражались подразделения бригады оперативного назначения. Втянутые в бамутский капкан войска оказались под огнем с господствующих высот, среди которых гора Лысая — важнейшая...

Указом Президента РФ от 20 июля 1996 года кавалеру ордена Мужества лейтенанту Зозуле Андрею Станиславовичу присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно). Приказом министра внутренних дел он навечно зачислен в списки личного состава отряда специального назначения «Росич».

Олега Варлакова я запомнил как спокойного и уравновешенного парня, человека с высоким самообладанием в любой ситуации. Трудно было вывести его из себя – он в любом конфликте находил пути его мирного урегулирования.

Из представления Президенту Российской Федерации для принятия решения о награждении государственной наградой .

7 марта 1996 г. в Заводском районе Грозного многочисленная группа боевиков совершила нападение на блокпост, на котором среди других милиционеров нес службу старший лейтенант Варлаков. Несмотря на неравный бой оставшиеся в живых продолжали ожесточенно сопротивляться. На разбитом БМП немногочисленной группе удалось вырваться из окружения, недосчитавшись при этом пятерых товарищей. Своих надо было выручать. Возглавлять смертельно опасный рейд вызвался старший лейтенант Варлаков. С ним пошли еще девять человек.

Когда боевые машины оказались на узкой улочке, по ним ударили с четырех сторон из гранатомета. Машины загорелись. Завязался неравный бой. Последнее, что успел передать Варлаков по рации: «Броня подбита. Ребята ранены, я тоже...»

Спецназовцы отбивались до последнего патрона, руководил ими старший лейтенант Олег Варлаков. Но силы были неравными.

Ночью разведчики, вернувшись с места боя, принесли удостоверение Олега и его крестик. Позже привезли и тела омовцев, на которых враги выместили всю свою бессильную злобу за большие потери.

Указом Президента Российской Федерации от 6 сентября 1996 года Варлакову Олегу Евгеньевичу присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

19 офицеров погибли молодыми, 19 моих братьев-однокурсников. Память о них неугасающей болью живет в моем сердце.

Ожгибесов Сергей Юрьевич:

«Мой боевой путь»

Ожгибесов Сергей Юрьевич – педагог-организатор, преподаватель БЖ и физкультуры, руководитель студии дополнительного образования «Дружина» (рукопашный бой и историческое фехтование). Родился 8 мая 1972 г. в г. Кишиневе. Образование высшее. Боевой путь: сентябрь 1999 г. – ОМОН, место дислокации – блокпост «Кавказ», с. Знаменское Надтеречного района (южный берег р. Терек) Чеченской республики. Участие в перестрелках при внезапных нападениях, зачистках территорий и враждебных сёл; конвоирование колонн. Трудовая деятельность до войны – студент Курского педагогического университета, специальность – «История». После – служба в ОМОН, конном полку милиции, работа региональным менеджером в коммерческой фирме. Состав семьи – жена, две дочери.

Я участвовал во 2-й Чеченской кампании. До войны был студентом. Я окончил университет, когда узнал о вторжении Басаевских банд в Дагестан. Подумал: «Хоть бы наши выпали им по первое число». Мне было тогда 27 лет. Воевал 1 год. Чем занимался? Охраной объектов, сопровождением колонн, проверкой на дорогах и зачисткой немирных сёл.

Была надежда, что Путин доведет дело до конца. Боялся, что будут предательства со стороны высокого руководства, как при Ельцине.

- Какие чувства Вы испытывали в боевой обстановке?

- Скорее некоторое возбуждение и любопытство. Испугаться не успевал. Все обстрелы всегда были внезапны.

- Что запомнилось больше всего?

- Когда стали рваться вокруг гранаты из подствольников, некая неведомая сила как магнитом меня притянула на дно окопа. В этот момент наиболее сильное нервное напряжение было. Вспоминаются переговоры с боевиками – когда как бы невзначай ствол автомата противника тебе смотрит в живот, а ты в ответ поигрываешь рукояткой ножа. И внезапный свист пули или хлопок гранаты из подствольника, и ты, прежде чем подумать, уже скатываешься в окоп или овраг. Тут любое кафе напоминает «дикий» Запад. Все обвешаны оружием и на любого входящего все готовы наставить ствол автомата. В качестве амулетов годилось и совмещалось всё: от крестика до когтя пещерного медведя. Вспоминается, что люди друг с другом духовно сильно сближались, чему способствовали совместные наряды и общая на всех опасность. Всё вместе приносило для меня и многих сослуживцев некий романтизм тех самых знаменитых американских вестернов, где теперь одним из участников стал ты сам. Знак участника боевых действий напоминает о тех событиях.

Я знал, что враг жесток и смел – посему уважаем.

- Расскажите об отношении к пленным.

- У пленных жалкий, обтрёпанный вид. Чеченских пленных в этой войне было мало. Видел лишь раз.

- Что Вы думаете о своих, попавших в плен к неприятелю?

- Я сочувствовал нашим пленным.

- Каким было отношения с местным населением?
- Союзники из местных, как и сами местные, не были надежными.
- Расскажите о боевой технике.

У нас была тяжелая техника, у противника её было мало. Авиации вообще у него не было. Остальное было одинаковым. Но у них меньше формализма. Все решения принимались быстрее.

- Какие трудности были связаны с климатическими условиями, как их переносили?

- Грязь. Терпели.
- Прокомментируйте роль боевого товарищества, взаимовыручки.
- Потери друзей. Были потери. На войне люди сближаются. По прямой линии командиры были ближе, почти отцы командиры. Приписанные были так себе.

Много мешали.

- Знакомо ли Вам понятие «тыловая крыса»?

- Тыловые крысы были в Ханкале. Ни разу не выйдя за периметр гарнизона, они себе «лепили» «боевые» и награды раза в 4 более, чем обычным военным.

- Как снабжалась армия на войне?

- Армия – не очень, милиция – нормально.

- Были ли забавные случаи?

- Все забавные случаи случались по пьянке, что не есть хорошо. Правда, вспомнилось, как спели гимн России на Новый 2000 год. Слова нового гимна все поголовно забыли и спели гимн СССР.

- Были ли суеверны?

- Я был всегда суеверен. Но, кроме того, поверил в могущество сильных психологов.

- Расскажите о минутах отдыха на войне.

- Пели бардовские песни под гитару. Армейская палатка была на 40 человек. 2 печки-буржуйки.

- Как относились Вы и Ваши товарищи к присутствию женщин в армии, если они там были?

- Женщин было мало, за ними все ухаживали, но доставались они командирам. К чеченским женщинам относились уважительно и не приставали. Опасно это было для них и для нас.

- Как Вас встречали на Родине после войны?

- Хорошо встречали. Хорошо относились.

- Знакомо ли чувство «фронтальной ностальгии»?

- Есть некая ностальгия. Яркое очень время. Хотелось бы еще где-нибудь в похожем месте побывать. Только бы семья обеспечивалась в случае чего.

Интервью Балашовой А. Ф.

Во время интервьюирования использовался вопросник, разработанный исследователем Е. С. Сенявской.

Фролов Владимир Викторович:
«Для кого война - мать родная, а для кого - тётка дурная»

Боевой путь: 18 июня 2006 – н. п. Ханкала, в/ч 27777 42 МСД 1РБ ВДВ – 1 разведбатальон ВДВ; Южная Осетия, г. Цхинвал – 20 августа 2008 г.

До службы по контракту служил в органах внутренних дел; работал водителем при дежурной части в Воронежской области. Затем устроился работать в ЧОП охранником. Сегодня сотрудник службы охраны колледжа «Царицыно».

Особые воспоминания. С собой во время военных действий брали нательный крестик и боевой патрон. Ранен в 2007 г. в с. Долготой Веденовского района Чечни. Получил нагрудный знак «За службу на Кавказе».

Биографическая справка

Владимир Викторович – участник Чеченской войны 1995 г. (Цхинвал, 2006 – 2009 гг.). Первый раз на войну попал в 20 лет, второй раз – в 31 год. Пошёл служить по контракту по своему желанию. Информацию о войне в Чечне узнал, когда проходил срочную службу в п. Пин.озеро Мурманской области. Испытал смешанные чувства. Принимал участие в боевых действиях 3, 5 года – с учётом первого контракта. Второй контракт связан со службой в должности сержанта (командира миномёта) 1 миномётной батареи 1 мотострелкового батальона.

Для кого война – мать родная, а для кого – тётка дурная. Для меня лично ничего хорошего в войне нет, кроме одного: на войне становишься мудрее, потому что надо выжить. Смотришь на жизнь уже другими глазами – чего она стоит! Начинаешь ценить жизнь и отношение сослуживцев.

Каждый раз, когда выезжали на боевое задание, было чувство, как будто в последний раз, напряжённое, волнительное. Первый раз, когда я ехал на боевое задание, было страшно, но потом привыкаешь, и это становится в порядке вещей.

Когда началась война с Грузией, со мной произошла одна история. Не знаю, смешная ли. Сейчас – да, но тогда было не до смеха: отстать от своей батареи («Туши огни!», «Сворачивай палатку!»). Дело было в предгорном районе Грузии, когда прошли город Цхинвал, в районе каких-то дач. В ночное время пришли

данные о целях, которые мы должны были отработать, т. е. отстрелять мины из «Подноса» – миномёт 2Б 14 82 мм. Стреляли с вечера и всю ночь, перед восходом солнца только закончили. Слух после выстрелов отсутствует совсем – понимали друг друга по губам, голосовые связки сорваны.

И вот, когда всё закончилось, наступила тишина. Мы со своим расчётом собрались в кучу перекусить и выпить по 100 граммов наркомовских. После разбрелись отдохнуть. Один на миномёте, один водитель в машине и я с другим бойцом за стог сена. А после нас, когда мы залезли в спальные мешки с автоматами, улеглись два командира взводов, они даже нас и не видели.

Сплю. Снится мне сон, что я уже дома у родителей. И главное – такая тишина, и я сам себе задаю вопрос: «Ну, надо же! А где война? Почему так тихо?»

И бац – просыпаюсь. И правда, тихо. Никого нет: ни людей, ни техники, ни миномётов. Один я и мой боевой друг автомат! Что делать, куда идти? Так, думаю, без паники. Собрался с мыслями. Выбрал ориентир – высокое дерево и разбитое здание, как говорил командир батареи, лейтенант Алисултанов. Я выдвинулся вперёд за своими, соблюдая все меры безопасности, чтобы в случае чего не наткнуться на неприятеля. Конечно, пока я шёл, пришлось вступить в перестрелку с боевиками. Их было трое. Мне помогали отбиться ребята 1 роты, которые ехали выручать свою БМП-1: ей перебило гусеничный трак. Они услышали звуки боя и повернули в мою сторону, когда я выстрелил красной ракетницей. С ними я добрался до своих, конечно, получил нагоняй от командира. Но зато в глазах своих ребят выглядел молодцом, как у нас тогда говорили, был «красавчик»!

Когда мы ехали обратно из Грузии в Ханкалу к месту дислокации миномётной батареи, я много думал о событиях, которые произошли со мной. И всё же мы одержали победу, враг реально бежал, бросив свои базы, оружие и военную технику. Причинив большой урон противнику, мы ехали с гордостью. Я убедился в могуществе и силе наших вооружённых сил и восхищаюсь слаженностью и взаимодействием отдельных подразделений всех родов войск! Только в единстве наша сила.

После войны в Цхинвале наше подразделение отправили, согласно приказу, в Верхний Бамут на Блок-Заставу (на пересечении трёх дорог: Ингушетии, Чечни и Грузии). Прибыли на место несения боевого дежурства. Был май. Стояла жаркая погода. Вообще погода в этой местности непредсказуемая: светит солнце, через полчаса подул ветер и пошёл ливень, грязь скользкая – глинистая. Я со своим расчётом заступал на боевое дежурство по охране подразделения согласно графику. Питались в полевой палатке. Ходили туда по очереди. Но через месяц продовольствие закончилось, и мы ждали колонну с продовольствием, доедая последние провианты. По связи мы узнали, что колонну обстреляли боевики и кто остался в живых. На оставшейся целой технике вернулись в н. п. Ханкалу.

Нам только и оставалось ждать следующей колонны, а ждать пришлось 8 суток. За все эти дни никто не упал духом. Наоборот, поддерживали друг друга шутками – вроде такой шутки, как «медведь же зимой тоже не ест, но у того хоть лапа, которую он сосёт. А нам что остаётся? Только охота на зверя, который распуган войной». Местные жители, прознав про нашу трудность, помогли. Водите-

ли нашли выход из трудной ситуации, пошли на обмен: солярку на продукты для столовой. Через две недели всё наладилось, приехала колонна с продовольствием, и будни армейской жизни продолжились.

В нашем подразделении коллектив был дружный. Контрактники постарше поддерживали молодых, обучая всему, чему сами научились за годы службы. Понятия «крыса», «тыловая крыса», я думаю, будут всегда в армии. Но в нашем подразделении, я знаю, их не было, потому что мы от них избавлялись. Они просто переводились в другие подразделения. Из отпуска ребята нередко привозили домашнюю еду, гостинцы. Все тогда собирались в Ленинской комнате и за разговором трапезничали. Всегда было о чём поговорить. В основном – о пережитых боевых выходах, делали поправки на ошибки, спорили и соглашались.

Несмотря на трудности армейской жизни, у нас в дивизии служили и женщины. Они занимали места в медицинских взводах, ротах, госпиталях, столовых. Как и мужчины, женщины выходили на плац заниматься строевой и физической подготовкой, стреляли на зачёт из автоматов, пистолетов, пулемётов. Они все во время войны в Грузии попросили своих командиров отправить их воевать добровольцами. Многие награждены медалями «За отвагу».

В свободное от нарядов время бойцы отдыхали: смотрели телевизор, чтобы узнать, что творится на гражданке. Читали книги. Рисовали. Занимались спортом. В общем, развивались, кто как может. Разговаривали с родными по телефону. Радости при разговоре было очень много. Меня расспрашивали о главном: как здоровье. Про службу не спрашивали, понимали, что трудно, да я и не хотел расстраивать родителей войной. И так всё понятно из новостей по телевизору.

Мой контракт подходил к завершению. Шли последние недельки. И ко всему они были, как казалось, длинными. Но тёплое майское солнце согрело всю мою душу, стоило лишь подумать о том, что скоро домой. Командир роты предлагал остаться дальше служить по контракту, но я отказался: очень сильно тянуло домой. И так достаточно отдал свой долг Отчизне. И хорошо, что остался жив.

Я вернулся благополучно домой. Там встречала моя семья: родители, сестра, племянница. За столом мы разговорились о службе и обо всём вообще. До сих пор мне снятся кошмарные сны о войне, просыпаюсь в холодном поту. Поначалу сны снились часто, меня даже тянуло обратно к ребятам, я не мог себя найти в нормальной жизни, но постепенно успокоился. Родные и близкие помогли, убедили и вернули к нормальной жизни.

Сейчас я всё это вспоминаю как страшный сон. Знакомые и друзья относятся с уважением, расспрашивают о военных действиях. Но я не хочу вспоминать о тех годах, проведённых в Чечне. С ней связано очень много горестных моментов в моей жизни. Пройдя войну, я прекрасно понимаю тех людей, которые воевали в 1941-45 годах, и осознаю, какой ценой даётся жизнь и свобода человечеству, и тоже отношусь к таким людям с уважением.

Отслужил 3, 5 года в Ичкерии, которые надо не просто отслужить, а выжить. Это никак не отразилось на моей дальнейшей жизни. Здоровье восстановилось. Появились жизненные силы. А это главное.

2 глава.

Участники локальных военных конфликтов – родственники
сотрудников и обучающихся колледжа «Царицыно»**Панин Павел Вячеславович***Родственник преподавателя Ольги Александровны Ульяновской*

Родился в марте 1963 года в г. Москве. Проживает в Ломоносовском районе. В 1980 году окончил школу № 47 Октябрьского района Москвы (ныне – школа 1264). В 1984 году окончил Киевское высшее общевойсковое командное училище (факультет войсковой разведки).

Проходил службу в частях и подразделениях войсковой разведки Среднеазиатского, Туркестанского и Уральского военных округов. С февраля 1986 по апрель 1988 года выполнял интернациональный долг в Республике Афганистан. Был ранен.

После увольнения из рядов Вооружённых Сил работал в организациях Российского Союза ветеранов Афганистана. Награждён орденом «За личное мужество», медалью «За отвагу».

Военный пенсионер. Депутат муниципального Собрания Ломоносовское. Основание для регистрации – решение Регионального отделения Политической партии «Справедливая Россия» в Москве.

**Ветеран войны в Афганистане Наумов Валерий Викторович:
«Повидал, повоевал, остался обычным человеком...»**

Биографическая справка

Наумов Валерий Викторович родился 26.11.1963 г. в Москве. Образование высшее военное (окончил Коломенское высшее артиллерийское командное училище 1981–1985 гг.). После выпуска из военного училища был направлен в г. Кострома в 331 пдп на должность ком. взвода 2-й самоходно-артиллерийской батареи. Через год в сентябре 1986 г. приказом МО СССР был направлен для прохождения службы в 345 опдп, н. п. Баграм, ДРА. Участвовал во многих операциях полка. 11 февраля 1989 г. в составе полка был выведен из ДРА в г. Кировабад (ныне Гянджа). В 1991 г. переведен в 331 пдп в г. Кострому, где в 1993 г. уволен в запас по состоянию здоровья. До поступления в КВАКУ – учащийся школы № 878 г. Москва, после увольнения в запас – инвалид войны 2 группы.

Боевые награды: Орден Красного Знамени, Орден Красной Звезды, Знак ЦК ВЛКСМ «За воинскую доблесть», юбилейные и памятные медали МО СССР, МО РФ, Правительства ДРА, именные часы от Министра Обороны СССР, Почетная Грамота Президиума Верховного Совета СССР. Состав семьи: 3 детей, 4 внуков.

Здравствуйте. Я, Наумов Валерий Викторович, родился в 1963 году, в нашем городе-герое Москве, соответственно, там же и учился.

Моя сестра Томашонок Ирина Викторовна и мой отец Наумов Виктор Павлович преподают в колледже «Царицыно».

Сколько себя помню, в школе всегда бредил воздушно-десантными войсками. Как раз тогда и фильмы вышли, всё это сильно популизировалось, ну, в общем, проникся и мечтал. Ну, и соответственно в 1981 году после окончания 10 класса подал заявление в Рязанское воздушно-десантное училище.

Вот тут незадача. Меня туда не приняли, не прошел по медицинской характеристике. Подвело плоскостопие. Ну, казалось бы, всё, мечта порушена, но кто ищет, тот найдёт (приключений – шутка). Хорошая женщина попалась в военкомате и подсказала, что можно не только в пехоту попасть, но там ещё есть и артиллерия, и сапёры, медики и связисты. Артиллерия мне оказалась ближе всего. Таким образом, в 1981 году я оказался курсантом Коломенского высшего артиллерийского училища. Могу сказать, что весьма успешно окончил его в 1985 году.

*Декабрь 1986 г.
р-н 24 поста
30 км Ю-Зал.
н.п. Баррам*

После распределения попал в триста тридцать первый гвардейский парашютно-десантный полк, который дислоцировался и дислоцируется ныне в городе Костроме. На должность командира взвода самоходной артиллерийской батареи, поскольку в каждом парашютно-десантном полку есть артиллерийские подразделения. Вот в одно подразделение на должность командира взвода я и попал. Прослужил я в этом полку год. Нормальная служба. Ничего особо интересного. К 6 утра на работу. В 10 –11 вечера – с работы. Учения, прыжки, подготовка и проведение парада на Красной площади – это октябрь, ноябрь. В общем, было, чем заняться.

В сентябре 1986 года пришёл приказ о переводе меня на должность командира взвода управления самоходно-артиллерийской батареи в 345 гвардейский

отдельный парашютный десантный полк, который дислоцировался в населенном пункте Баграм республики Афганистан.

Практически все офицеры проходили в те времена эту школу, на мой взгляд, и правильно: офицеры должны иметь боевой опыт. Если это армия, то она должна уметь воевать. Поэтому, собственно, это известие воспринял как само собой разумеющееся. Внутренне и морально я был готов. Тем более, вокруг меня более старые офицеры, которые уже послужили в Афганистане, имели боевые ордена, медали. И тут я – зелёный лейтенант. Конечно, смотрел на них с широко раскрытыми глазами. Чувствовал внутреннее уважение, даже где-то, я бы сказал, восхищение. Оно всегда присутствовало. Вот человек повидал, повоевал, остался обычным человеком, который может смеяться, шутить, анекдот рассказать, прикалываться может. Для меня они казались чем-то вроде небожителей.

Ну, вот, в конце концов, я дождался своего часа. Прибыл на новое место службы в принципе без проблем, достаточно быстро, ничего такого сверхъестественного. Единственное – был в пыли, хотя и в повседневной форме, поскольку в Советском Союзе офицеры носили форму повседневную, а в Афганистане использовали полевую, приспособленную для той местности. Конечно, выглядел чучелом. Пыльным. Ну, ничего страшного, никто даже не посмеялся и не удивился. Для всех это было естественно и привычно.

Попал в подразделение, в хороший коллектив, где не стали заваливать работой, как-то иначе показывать пренебрежение к зеленому лейтенанту, а наоборот, объясняли, помогали, вроде даже в мелочах.

Там использовались чеки Внешпосылторга, получали зарплату в чеках, и, естественно, их магазин принимал. В принципе, даже на местном базаре тоже чеки принимали, хотя более охотно принимали местную валюту или доллары. Откуда они вообще могли быть у офицеров? Но потом со временем как-то так

получалось, что бывали небольшие суммы, но, в общем – мелочь. Но даже эти деньги (чеки) командир батареи просто одолжил до первой зарплаты, потому что у меня она будет через 2–3 месяца. Достаточно долгий срок. Для покупки тех же бытовых предметов или сока апельсинового (очень жарко с непривычки). Может какие-то ещё бытовые мелочи вроде тапочек. На всё это нужны были чеки.

В общем, приняли нормально, но особо расслабиться не дали. Уровень моей подготовки они не могли знать, я и сам не знал, достаточный у меня уровень или нет для того, чтобы участвовать в войне.

Буквально очень быстро я оказался участником боевых действий. Надо посмотреть календарь, но что-то немного прошло времени. Наверно, даже неделька или две, не больше. Корректировщиком я попал со второй ротой. Собственно наша специализация артиллеристов заключалась в том, что в пехотных подразделениях всегда идёт вместе с командиром корректировщик со своей группой, с радиостанцией, и

соответственно два человека – группа прикрытия, которая помогает нести воду, пайки, запасные аккумуляторы, в том числе помогает и роте тоже. Рота очень много всегда на себе тащит: миномет и мины к нему, противотанковый комплекс, пулемет «Утес», иногда АГС и все это с боеприпасами.

Вот, соответственно, с такой группой я и попал корректировщиком со второй ротой. Не скажу, что там сильная война была. Если я не ошибаюсь, то вроде даже мне там пострелять не пришлось. Основные боевые действия оказались немножко в стороне от нашей роты, в которой я был корректировщиком. В общем, ничего такого страшного не случилось, что мне в принципе помогло собственно понять, немножко войти в ритм, в тему, как проводятся операции.

Нет, конечно, каждая операция неповторима. Это и местность, и температурные режимы, и задачи, которые ставятся для выполнения, но хотя бы первый какой-то опыт, даже понять, что брать с собой. От этого очень многое

зависело. Будешь ли ты вообще функциональным. Можно набрать с собой много вещей на все случаи жизни, но это придется тащить с собой, килограммов 50–60. Попробуйте походить с таким весом. А если еще полазить по горам – в общем, «не ай». Собственно, уже в ноябре я попал в серьезную «заварушку». Это были первые реальные боевые действия для меня в Джелалабаде.

Если кто с географией Афганистана знаком, то это единственная область Афганистана, которая ниже всего Афганистана на 500 метров. Совсем недавно, лет

10 назад, показывали кадры, как талибы из танков расстреливали две буддийские фигуры. Гигантские фигуры. Высотой метров 100–150. Они были вырублены в скале. Это вот как раз ущелье серпантина, которое идет от Кабула в Джелалабад. И когда проезжали по этому ущелью, любовался этими фигурами, тогда еще не умел делать снимки

на слайды. Это потом, командир первого взвода нашей батареи Юра Сергеев, погиб, к сожалению, обучил меня, как делать цветные фотографии. В те времена, к сожалению, нельзя было провозить через таможенную непроявленную пленку. А проявлять и печатать цветные фотографии было по тем временам и технологиям в принципе нереально. Единственно помогала возможность фотографирования на пленке «Орво хром», делать слайды. Потом я смог перепечатать эти фотографии и перевести их в электронный вид. Сейчас обладаю реальными цветными фотографиями, а не подкрашенными, как большинство фотографий, если они цветные. Как правило, они крашенные. Это не реальный цвет. А мои фотографии являются реальными.

В Джелалабаде очень красивые места, потому что горный Афганистан – он в основном сухой, серый, пыльный. Низкая, мелкая, дохлая растительность. А тут буйство красок, зелень, цвет, вода, субтропики. В следующий раз, в следующей операции в Джелалабаде наши ребята оттуда обезьян притащили. Таких домашних зверушек я в гробу видал, самые злобные твари.

Отношение к войне. Как сказать? Просто выполнение задачи. Просто выполнение

приказа. Собственно, даже нет вопросов по поводу нужности-ненужности или правильности-неправильности, как сейчас модно в СМИ задавать. Была она нужна или нет, нужны были жертвы или нет. Какие чувства у меня были? Да, никакие. Приказ есть приказ, его надо выполнять. Я офицер, мне дан приказ, я обязан его выполнить, доложить.

Я своими солдатами всегда очень гордился, это был очень хороший коллектив – профессионалы. Потому что Ферганская учебка работала очень хорошо. Она поставляла солдат, которые не территорию убирали, а обучались хотя бы на начальном уровне. А уж мастерство приходит во время боевой работы, но, тем не менее, не надо было тыкать изначально, свою работу они, в общем, знали. Поэтому обо всех моих бойцах у меня только самые лучшие воспоминания. И очень много впечатлений, связанных именно с ними.

Меня тогда интересовало, как мальчишки в Афгане оказываются. Ну, то что там какой-нибудь Ваня из деревни – это понятно, там такой же вариант: направили и поехал. Но однажды, пришло молодое пополнение, или конец '87, или начало '88 года. Естественно, с каждым солдатом, вновь прибывшим, проводил беседу, записывал данные, заполнял анкету и, честно говоря, на одном солдате я просто запнулся. В разделе «Кто ваши родители, как зовут и где работают» он

ответил: «Папа – председатель облисполкома Кировской области». Ой, нет, вру, не Кировской, сам он из Коврова был, не важно. Суть в том, что папа у него, действительно, очень большой начальник, по нынешнему – губернатор. Так я поперхнулся, похлопал глазами и спросил: «Дима, а что ты здесь делаешь?» Вообще, конечно, ну насколько я знаю, слышал разговоры, бывали такие, кто в жизни там «накосячит», ну а по-

том скрываются, скажем так, от правосудия. Здесь вариант оказался совершенно другой, наверно, менее характерный, хотя, да нет, почему, в принципе, события в Донбассе показали, наверно, даже все-таки характерный, ещё как характерный.

Он говорит: «А что, я не могу себя проверить, не могу испытать? Вы знаете, сколько я папу упрашивал, чтобы попасть в Афганистан». Позже он связался по

телефону с моими родителями и, когда долго не было писем, узнавали новости друг у друга. Конечно, для меня это был такой, если не удар, то событие точно. В общем, долго я к нему присматривался, даже, в общем, излишне был к нему требователен. Трудновато, скажем так, было уже назад перевестись, но возможности были. Всякие разные: «откосить» по медицинским каким-то показателям или по семейным, ну, теоретически можно, хотя лично я таких случаев не знаю. Не знаю, но наверно, возможно, было. В общем, у меня была мысль, что пришел, поигрался и «свалил», когда понял, что здесь трудно. Нет, ничего подобного: это действительно настоящий русский солдат, действительно Мужчина с большой буквы, его и тогда-то уже мальчиком было трудно назвать, хотя, в общем-то, пацаны молодые были. Но это действительно человек с сильным характером, ещё не умея, не зная, но он стойко терпел. И смогу сказать, забегая вперед, что в принципе этот человек – герой.

Это я намного-намного дальше, собственно, на конец Афганской войны забегу. Ситуация в боевых действиях на Саланге получилась такая. Он у меня командиром орудия служил. Солдат из его экипажа получает от снайпера пулю в глаз. Вылезал из машины – прилетела пуля и, естественно, он сваливается на дно машины. Мне по станции сразу докладывают: «У нас трехсотый тяжело в глаз». Спрашиваю: «Живой?» – «Живой, но что делать, – говорит, – мы не знаем». А там, в операции на Саланге, ситуация сложилась такая, что серьезной медицинской помощи трудно получить в ближайших километрах. На десятки километров, кроме одного единственного батальонного санинструктора и нашего батарейного, никого не

было. Они могли остановить кровотечение, перевязать рану, но что-то вот серьезное... Сильное обезболивающее: «Промедол», конечно, был, ну и только-то.

Поскольку, в общем, я не медик, но понимаю, что если пуля вошла в глаз, что-то натворила, собственно, жить ему оставалось, конечно, немного, я принимаю авантюрное решение, всё это

было лаконично и кратко: «Везете в Джабаль (прим. Джабаль-Уссарадж), сгружаете, возвращаетесь, доложите. Вопросы?». Приказ, конечно, жесткий, потому что по всему Салангу тогда пошла война. Орудие в ближнем бою бессмысленно, оно не защищено. Броню этой машины ПК пробивает две стороны насквозь. А четыре укороченных автомата экипажа не очень большая защита в плане ближнего боя. По сути, это автомат, скажем так, для очень коротких дистанций, серьезной какой-то защиты в плане стрелкового боя он не предоставляет. По сути: отправил машину на убой, трех человек ради одного (экипаж машины – четыре человека). И что меня поразило – секундное затишье в эфире, и никаких вопросов, одна фраза: «Есть».

Где-то через полчаса машина вышла из радиосвязи, и вот эти четыре-пять часов, а, надо сказать, что мы стояли тогда на южной стороне Саланга, но достаточно высоко, недалеко от «дырки». «Дырккой» назывался знаменитый двухкилометровый туннель на самой вершине Саланга, построенный англичанами, вроде до сих пор функционирует. До Джабали несколько десятков километров, это город у подножья ущелья Саланг, в сторону Кабула (т.е. южнее перевала Саланг), собственно, первый город на равнине уже, и там находился наш госпиталь, российский госпиталь, я имею в виду советский в те времена.

Через 5 часов машина вернулась, встала в строй, по станции доложили: «Разгрузили, был жив». Ясно, всё. Разумеется, без, скажем так, внимания, я как командир не мог оставить такое поведение своих подчиненных. Собственно геройский подвиг – это спасение своего товарища, а они рисковали сами. Командир экипажа Дима Мерьков был награжден Орденом Красной Звезды, экипаж – медалями «За отвагу». В том числе и Беляков Игорь, это тот, который был ранен.

Кстати, о его судьбе очень долго ничего не было известно, он в списках полка, батареи числился, уже когда в Союз вышли, потому что при выводе, в какие города выводили, где находятся документы, где архив, все это очень перемешалось, трудно было концы найти, запросы делали, но, в общем, так и неизвестно было. И вот уже, наверно, это был год восьмой-девятый-десятый, врать не буду, где-то так, на одной из встреч «афганцев» по поводу годовщины выводов войск из Афганистана в Москве, в Центре «афганцев» в Царицыно взводный Костя Волков бежит ко мне: «Валер, смотри, кого я привел». Я смотрю, ну, высокий молодой человек, в пальто драповом, черные стильные очки, это несмотря, что февраль, без шапки, такой весьма представительный, очень похож на нового русского. Привлекли внимание сразу черные очки. Понимаю, иногда глаза болят от яркого света, особенно у афганцев, многие носят очки (местность в Афганистане светлая и очень яркое солнце, зрение

сажалось очень сильно). Мы в Афгане все к очкам привыкли, так что тут ничего удивительного нет. На щеке я увидел, выходящее, шрам зарубцевавшийся, пулевой, его ни с чем не спутаешь. И тут как все пробило: «Беляков?» – «Я, командир, я, живой». На столах уже пусто, он: «Командир, не переживай». И тут своим ребятам: «Ребята, заносите».

Весь стол уставили, но, в общем, окончание я помню плохо, я помню единственное: его спросил: «Игорь, ты, собственно, знаешь, что это там Димка тебя, ведь они тебя в Джабаль довели. Он: «Командир, я всё знаю, я – говорит, – уже всех упоил, всех нашел,

со всеми связался». Вот так, вот такие ребята. Скажем так, это один случай, а по большому счету, если их перечислить, те случаи, это, я не знаю, уж надо, наверно, фильм делать. Скажем так, это вот яркий показатель взаимоотношения солдат, их мотивировка, их взаимовыручка. Их профессионализм. Что касается профессионализма, я чуть позже и об этом расскажу, потому что здесь тоже слишком много случаев. Ну, это именно о моей батарее, грех не похвастаться.

А по вопросу, что испытывали во время боевых действий... Да что угодно: кто-то схохмил – то смех, начался обстрел – так страх. Были такие моменты, что действительно очень страшно, но при этом дело надо делать, и собственно, никто тебе особо там поблажек, что тебе страшно – не страшно, делать не будет. Поэтому, так вот, хоть ты и не можешь голову поднять, не хочется её поднимать, но её надо поднимать, потому что надо видеть.

Вот еще характерный пример. Ситуация: Джелалабад, по-моему '87, где-то весной, там был апрельский вроде, но опять же, надо смотреть по календарю. Роте дали приказ идти по ущельям, хотя идти по ущельям, это, скажем, заведомо лезть в западню. Выйти там в назначенный район, это уже на границе с Пакистаном, собственно, проходили там недалеко, иногда и по самой границе мы проходили, там нет никаких знаков вообще, это чисто условная граница, проходит по хребтам. Идя по хребту, можно сделать шаг вправо – ты в Афганистане, шаг влево – ты в Пакистане, собственно, в тех краях это никого особо не интересует.

Дана команда: по ущелью там пройти, вот туда-то выйти, и в какой-то момент в одно из ущельев прилетает несколько мин. В принципе, мины слабые, восьмидесяти двух, без последствий. Но один солдат всё же осколок в икру получает, не смертельно, просто мякоть прошило. Собственно, забинтовали, ничего страшного, он даже на ходу остался, но прихрамывал, все-таки идти уверенным шагом с проколотой икрой-сложновато.

Итак, ситуация: солдат ранен, боеспособность не потерял, но двигаться быстро не может. А роте надо выполнять задачу. Как быть в такой ситуации? Либо рота идёт, подстраиваясь под его скорость, тогда не будет выполнена задача, либо его бросают, но тогда он один в горах, в незнакомых ущельях, по сути, легкая добыча душманов или «духов», как мы их называли или как сейчас говорят – боевики, суть не важно.

Решение было такое. Причем оно собственно исходило от замполита роты. Мне потом приходилось сталкиваться с этой категорией военнослужащих, разные люди были. Одни – которые во всём искали недостатки и постоянно это докладывали начальству, мелкие пакостники. И были вот такие, таких я знаю несколько, в том числе один, который был замполитом 331-го полка, вот этого Костромского, где я служил перед увольнением, почему был? Он уволился из рядов вооруженных сил, весьма такой, скажем, высокой должности замполит полка, или, как там, сейчас уже заместитель командира воинской части, не суть важно, факт тот, что сейчас он находится в Донбассе, вот это настоящий офицер, деньги на обучение которого государство потратило не зря, оно растило настоящего офицера и оно его вырастило, это именно вот такой. Таким же был замполит 1-й роты, с которой вот я в Джалалабаде был, он принимает решение остаться с солдатом раненым, а рота уходит вперед. То есть он его не бросает, он идет вместе с ним, поскольку тот не может быстро идти: каменистое ущелье, тут со здоровыми ногами по камням идти очень тяжело: ноги постоянно подворачиваются. Но, собственно говоря, они если не спасли роту, то от потерь ее точно уберегли. Сухое русло горной реки, высохшее, каменистое, шириной метров 150. В третьем повороте нас «тупо

положили» из ДШК, первый выстрел – и рота, естественно, легла. А смысл ложиться? Стреляют сверху, с горы. По сути, стоячий человек, кстати, для них был бы более трудной мишенью, чем лежачий, но это первая инстинктивная реакция:

обстрел – надо упасть. И вот стреляют сверху, я лежу и вижу: первая очередь прошла перед носом, вторая очередь прошла сантиметров в 20 от наших ног. Какие могут быть ощущения? Страшно, если не сказать серьезней. Тут я вижу: ротный рванул спринтером на стометровке. Если ротный рванул, мне, корректировщику, сам Бог велел, я должен быть рядом с ним. Я никогда не отказывал ему в способности быстро соображать, а главное – в знаниях и в умениях. Вячеслав Голубятников – командир первой роты, ныне герой России, проживает в Туле, по крайней мере, лет 10 назад проживал. Очень серьезный командир. Он разглядел такой уступ, который получается «мёртвой зоной», то есть там, где выстрелы сверху, с горы, не простреливаются, участок такой, он небольшой получился, метров 50 в ширину, вроде как под козырьком. И вот где-то расстояние метров 30, я не знаю, себя великим спортсменом никогда не считал, но, помоему, секунды за 3–4 я пробежал.

Вот. И потом ещё мы долго ржали, ситуация такая интересная: на другой стороне ущелья были два зубообразных камня, высокие, метра 4–5 высотой, но они как бы сходились примерно вот так (показывает), ширина у земли составляла примерно сантиметров 70. Один из бойцов мой из корректировочной группы, ему было ближе – «ломанулся» туда, логично в общем, чем бежать там 60–70 метров до прикрытия, куда вся рота ломанулась, легче в эти камни, но дело в том, что у него за спиной рюкзак шириной где-то сантиметров 80–90, и он-то между камнями прыгнул, а рюкзак-то и заклинило между камней, и вот он висит, ноги-то болтаются, извиняюсь за выражение, задница на улице. Он бы и рад-то вниз, а уже из рюкзака не выпрыгнешь, и вниз-то никак, то есть надо назад, а назад стреляют. Скажем так, больше всего над этой ситуацией ржал он сам после того.

Дело в том, что как раз тогда из-за поворота появились наши двое тихоходов: раненый солдат и с ним замполит. Саша, фамилию его, наверно, сейчас не вспомню, если подумать – вспомню, конечно, надо посмотреть, где-то, когда-то я с ним даже связывался. Вот и они в два ствола, обычные автоматы АК-74, ничего страшного, начали стрелять вверх, вдоль склона. Вреда-то, конечно, они никакого не принесли, никого не поубивали, но дали возможность роте переместиться, перегруппироваться, и собственно рота меня спрашивает: «Ты их возьмёшь?»

Я говорю: «Слава, цель над нами, то есть пристрелочный выстрел может

тупо элементарно упасть в это же ущелье, в котором мы сидим». Он: «Так, понял, фигню спросил, ага». Вот, вызвал авиацию, там что-то тоже не сложилось. Он говорит: «Короче так, вот здесь как раз получается «мертвая зона», нафиг все эти команды, карабкаемся наверх». Вот и когда мы вышли на этот хребет, вышли без потерь, слава Богу, духи просто не решились с нами связываться. Вообще о нашем полку ходила слава «безбашенных», поскольку полк был отдельный – резерв армии, это не говорит о том, что мы сидели в тылу, в общем, бездельничали. Полк был «в каждой бочке затычка»: где какая беда, собственно сразу направляют наш полк. Так, по большому счету, полк больше 3–4 дней на базе не сидел, разным составом, иногда в составе всего полка, иногда в составе батальона или одной роты даже, такое бывало, что мотострелковый полк попадает в окружение, ой вру, батальон мотострелковый в окружение, в зелёнке, его из окружения вытаскивает рота 345-го полка. Так, для непосвященных, батальон – это в 3 раза больше, это 3 роты, а здесь одна рота разбивает окружение, устанавливает коридор, пропускает весь батальон, на прощание даёт ещё знатный привет от себя лично и последняя отходит.

Есть такое. Поэтому с нами особо связываться не хотели, почему не хотели, как сейчас говорят: с «отмороженными бодаться» – себе дороже. Доводилось нам сталкиваться и с так называемым Арабским батальоном. Арабский батальон – это, по сути, сборище наёмников, которые сейчас используются везде: и на Украине, и в ИГИЛ, но название было Арабский, мы на Алихейле с ними первый раз столкнулись. Тогда первый раз двоих забили: один негр, один рыжий, как-то на арабов не очень тянет, и первый раз я тогда в руках держал винтовку М-16.

Мы тогда собрались втроем: командир батальона, командир роты и я, коррективщик. Говорю: «Нет, парни, я-то артиллерист, я вообще калибр меньше 120 в принципе не признаю, вы-то должны это знать». Они говорят: «Ага, мы её только на плакатах и видели». И вот сидим втроем, разбираемся в устройстве этой винтовки. Что могу сказать? Да, лёгкая, да, есть там такая функция «фиксированная очередь» по 3 патрона, очень удобно, потому что длинные очереди не нужны, это только

в боевиках там от пуза шпарят, на самом деле война идет экономно, отсечка по 3–4 патрона – это максимум, а то и вообще одиночными, так эффективней получается. Как говорили солдаты Великой войны: патронов бывает либо очень мало, либо много, но больше уже не унесешь. У убитых (ни документов, ничего, оба в спортивных костюмах, у одного АК-47, у другого М-16, ну естественно боеприпасы), сразу боеприпасы мы забрали. А что нам с убитыми делать? Тащить что ли куда? Лежат и пускай лежат, пускай арабы их хоронят. Мы протаскали эту винтовку дня 3, через 3 дня решили попробовать пострелять, а что – полный магазин, без одного патрона. Пак – она не стреляет, пак – не стреляет, осечка, осечка. Ну, давайте разбираться, вот тогда оказалось, что устройство никто толком и не знает. Худо-бедно разобрались, почистили, постреляли из нее, даже мне 3 патрончика досталось. Хорошая винтовка, легкая, но только если где-нибудь в тире выпендриваться. А вот если когда 3 дня по лесам пошаришься, а она уже не стреляет, такое оружие мне не надо. Это вот наши автоматы, которые таскали неделями, а то иногда и месяцами, в лучшем случае в ствол дунешь, просто дунешь, и после этого, когда надо, просто тупо снимаешь с предохранителя и начинаешь стрелять, по крайней мере я косяков с оружием не помню.

Союзники. Какие союзники? «Зелёные» как мы их называли, народная армия Афганистана, были и у них серьезные подразделения, «Красные береты», по-моему, вот эти были фанатики. Эти были собраны из разряда кровной мести, поэтому у них варианта назад не было, и они всегда пёрли. Уважаю, сильные ребята, а основная масса афганских войск – так, кто-то пошел за то, что платят и кормят, кого-то насильно забрали, там по-разному, по призыву, в общем, армия так себе. А в принципе она, наверно, такой сейчас и осталась. Пиндосы, т. е. американцы, конечно, туда влезли не по делу, не понимают их менталитета. Правда, русские их менталитет понимает, теперь туда не лезут. Может, и залезут, потому что был интересный случай с моими знакомыми, много лет спустя после этих событий они туда поехали.

Друзья, скорее, даже хорошие знакомые, ветераны, (все-таки эти

события не забываются), решили сделать вояж. Вполне, так скажем, в нашем духе. Они отправились в Таджикистан, официально перешли границу с Афганистаном, в Хайратоне взяли такси и отправились по местам, где бывали. К сожалению, много информации я не имею. Проехались они через Саланг, вспомнили ощущения. Дело в том, что Саланг изначально планировался как транспортный тоннель, там была система вентиляции. Со временем она завалилась камнями, камнепадами, от природы ее никто не чистил. В итоге этот двухкилометровый тоннель преодолеть весьма трудно: слишком сильная загазованность. Мы когда на технике влетали туда, оттуда вылетали с выпученными глазами, хватая воздух ртом, как рыба на песке. Ощущения, конечно, еще те. У Джабали свернули сразу в Панджшер. Сейчас в Панджшере двухполосное шоссе – американцы постарались. Я, правда, так и не понял, зачем там двухполосное шоссе.

Но, правда, Панджшер – это всё-таки алмазные копи, там в свое время хозяином сидел Ахмад Шах Масуд, один из лидеров (несколько партий, группировок в Афганистане: в то время была исламская партия Афганистана, исламская организация Афганистана, вот эти две крупные), входил в одну из них. Руководителем не был, что-то типа подчиненного, но, в общем, его Панджшер был весьма сильный район, поскольку учился он в Советском Союзе в военной академии. Алмазы ему

давали весьма неслабый достаток, у него французские советники были, свои вертолеты, танки, не скажу, что много, но было. В общем, вооружение у него было весьма приличное. Поэтому у нас в Панджшер, в Анаве, стоял второй батальон, и с этим батальоном стоял один взвод моей батареи.

Почему моей? Я, хотя был официально командиром взвода управления, но так получалось, что один командир по замене уехал, я был исполняющим обязанности, потом другой приехал, в госпиталь попал – я опять исполняющий обязанности. В общем, несмотря на то, что должность командира взвода, я фактически руководил батареей. Командовал. И там вот взвод моей батареи стоял. И мой однокашник, с которым вместе учились, Костя Волков, командовал. Ну, до этого другой командир был, Калашников Коля, после него пришел Костя Волков, когда тот по

замене уехал. Кстати, какой дорога была в мое время, можно посмотреть на этих фотографиях. Это вот как раз фотографии, когда колонна в Анаву ехала, я с брони делал.

Дело в том, что вообще фотографий с боевых действий в принципе нет и быть не может, потому что в это время я занимался своей непосредственно работой, мне фотографировать некогда. Поэтому все фотографии были сделаны во время относительного затишья, спокойствия – в перерывах между этапами, когда мы с гор спустились, отъелись, отмылись, поели, попили. Да, это самое главное в Афганистане – попить просто воды. В Афганистане засушливая горная местность, в горах воды нет в принципе. Где-то можно найти на равнине, но и то не везде.

Какие отношения у офицера с солдатами? У меня, к примеру, в группе всю воду на всю корректировочную группу несет один человек. Соответственно

всю еду, все сухпайки на всю группу, аккумуляторы к радиостанциям запасные, патроны в запас и так далее. В горах распределения «офицеры» и «солдаты», в смысле, кто получал больше или меньше, не могло быть по определению. Потому что солдаты, на чьих плечах вся вода, питание... Вот достал он фляжку, все сделали по

глотку, ну по два, по три, были условия – значит, один вариант, не было – значит, поэкономнее, но это в любом случае на глазах. То есть, к примеру, офицеры, как считалось, жили лучше, типа у них там сардина в масле, а солдат там пустой гречневой кашей питается – такого не могло быть вообще. Потому что все было в принципе общее. Соответственно и сигареты, тут, надо сказать, вообще большое спасибо старшине Толе. Когда он пришел на должность старшины, был выход на боевые действия.

Я проверяю подготовку личного состава. Привычка: всем снять сапоги, посмотреть на состояние портянок – такие бытовые мелочи, их надо проверять, это боеспособность. Зачем мне нужен солдат, который в плохих портянках натрет себе ноги и потом не может идти? Это большие проблемы. И вот тут меня старшина начал: «Ты что, командир, не уважаешь, это вообще-то моя работа, у всех новые». Я так глазами похлопал: «А ты новые где взял?» «Командир, у меня свои каналы» С тех пор я, конечно, иногда проверял, но очень редко. Он очень добросовестный человек. Где, и как, и что он достал (а в Советском Союзе это была основная фраза: не «я купил», а «я достал») – не знаю. Правда, бывало, что иногда ночью он просто вползал в казарму и рухал на пороге, потом его уже до кровати тащили. Уж где он был и с кем «квасил», не знаю. Но то, что батарея всегда имела сверх нормы или даже, скажем так, новое, что еще не положено по срокам, носки, это было точно. В общем, такого старшину иметь любому командиру счастье. Это вот даже не знаю, как описать, 50% работы командира он снимал.

Потом, когда он также ночью пришел (утром мне, естественно, дежурный доложил, это его обязанность), я решил, ну, думаю, не встанет. Батарею вывожу, и тут выходит чистый, побритый. Я говорю: «Коль, ты поведёшь?» «Ну, командир, это моя обязанность» Соответственно, он и обеспечивал по большому счету так, что зачастую рота к нам в гости ходила за сигаретами. Не без этого.

У нас были служащие штаба, мой старшина тоже, работник тыла. У нас крыс не было, это я могу сказать, даже упираясь рогом.

Люди просто выполняли свои обязанности там, куда они поставлены, и делали это хорошо. И благодаря им мы могли на войне выполнять свои обязанности очень хорошо, потому что ими было подготовлено. Количество выходов и кого командир взял в корректировку, конечно, я знаю, интриги среди солдат плелись – мама не горюй. Если сегодня этого не взял, то тут, конечно, на следующую войну, как мы

называли боевые действия – «выход на войну», интриги плелись, чтобы попасть именно в самое пекло. Я-то понимал: поближе к кухне, подальше от войны. Наверное, так было вернее, старался беречь. Но ведь эти ж молодые, им подавай экстрим.

Домой, конечно, писал, и из дома получал письма. До сих пор маму жалею, для нее это был шок. Благо, тут, кстати, не знаю, как, но папа Димы Мерькова связался с моей мамой, и, когда обо мне не было вести, а такое бывало, когда мы месяцами сидели на горах, и не было возможности письма писать, он ей звонил и уточнял: «От вашего сына нет известий? Жаль, от моего тоже».

В общем, поддерживал связь, благо, возможности у него позволяли.

Мы продолжаем... Да, конечно, офицерский сухпаёк, был такой. Ну, если всем солдатам выдавали сигареты по норме 30 пачек на человека: «Памир» или «Охотничьи», а офицерам выдавали по 60 пачек (вот, кстати, молодцы). Ой, нет, вру, вроде по 30... Или по 60? А, по 60, я еще за друга некурящего получал. Правильно, по 30 выдавали, конечно. «Ростов» – ну, сигареты с фильтром. В общем, там консервы какие-то, не помню, рыбу или что-то такое было. В любом случае это все шло в общий котёл. Соответственно из общего котла корректировочная группа вся так же и питалась. Когда я был на броне, ну, то есть, с орудиями, в горах в корректировочных был кто-то другой, то, соответственно, я точно так же питался из общего котла вместе с бойцами, так же вместе с ними спал.

Я один раз попробовал поспать в «КАМАЗе», замерз, как собака. И где-то часа в 2–3 ночи я приполз в общую палатку, всех растолкал и лег поближе к «поларису». Это такая самодельная печка: танковая гильза с трубой, в которую солярка периодически доливается. Жара несусветная. Но главное – рядом с ней. А на расстоянии 3–4 метров уже холодно. Ну, ничего, как-то справлялись.

Не дорассказал про путешествие моих друзей. Дело в том, что там, кстати, был один узбек в этой компании. Дело в том, что, как такового афганского языка не существует, там разные наречия. Иногда, кстати, сами афганцы друг друга не понимают. Разные наречия: дари, фарси, что-то ещё там, несколько. Как, к примеру, если бы русский стал с дагестанцем разговаривать, а дагестанец на своем языке, мы бы друг друга совершенно не поняли, естественно, если он не знает русского, а я не знаю дагестанского. Вот и у них совершенно разные. Но, вот какие-то наречия понимают наши бойцы, вот именно: узбеки, таджики. По крайней мере, могли

разговаривать. Один раз разговорились с местным. Оказалось, что он и против нас – «шурави» (прим. советский) воевал. Спрашивают: «Ну, а как тебе амеры?» Потрясающий ответ: «Амеры – чмо. (Прошу не ругаться специалистов по языкам: тонкости перевода, интонации, жестикуляция. Ребята сошлись во мнении,

что это слово подходит лучше всего) Воевать не любят, хотя очень сильные, предпочитают откупиться (продукты, горючка)». «Ну, а русские?» «Русские были воины, слишком добрые, но все-таки воины». В устах человека, который по факту живет понятиями 15–16 века, такая фраза значит многое. Хотя за кадром остается, почему амеры – чмо, и почему русские слишком добрые, ну да кто их поймет. Вот, кстати, на фотографиях, когда аксакалы пришли в расположение роты перед одним боевым действием, ну, заранее, чтобы сказать: «Мы к вам враждебных целей не имеем, стрелять по вам никто не будет, ну, и просим, соответственно, такого же

отношения к нам». Да, кстати, помню эту операцию, ага. Тоже так прикольно. Но обо всем рассказывать никакого времени не хватит – это абсолютно. Да, вот, кстати, на фотографии как раз боец первой роты, таджик он. Разговаривает с аксакалом, и аксакал его спрашивает, как он мне потом рассказывал. «Э-э-э, почему побрит? Мусульманин?» –

«Мусульманин». – «Почему борода бритая? Не положено» – «Не могу, в армии должна быть борода бритая» – «Нарушаешь законы Корана» и т. д. Не помню, много он там рассказывал, конечно, такого интересного. Такой парень тоже с юмором, в общем. Кстати, по-русски-то не очень-то хорошо говорил, но классный солдат вообще, отменный.

Еще помню, был солдат такой Зарипов. Он был командиром отделения управления в первой роте. Была ситуация в Джелалабаде. Надо было попытаться убедить духов сдаться, потому что всё равно возьмём. Вроде, договорились выйти на нейтральную территорию, а там всего метров 100 такого, на хребте горы, шириной метров 50, длиной метров 100

открытого участка. Вот вышли наши двое, договорились. С той стороны, вот, вроде бы пошли и тут же за камни спрятались, с горы ударил пулемет: одного напал, как потом выяснилось, Зарипов оказался раненый. Мне ротный кричит: «Стреляй!». Я говорю: «Слав, 150 метров». Ну, дело в том, что разлет осколков уже составляет где-то метров 400, то есть, по сути, я буду стрелять прямо по себе. «Плевать! Убери этот пулемет!» Я начинаю издалека. Первый снаряд положил, второй положил, третий положил. «Хорошо, молодцы ребята, артиллеристы, срабатывали». Стрелял я не со своей батареей, а с дивизионом. Д-30... но и там, слава Богу, неслабые спецы сидели. Неплохо положили, все.

Перехожу на дымовое, чтобы мне завесить дымом моих бойцов, чтобы их вытащили, то есть немножко осколком «пошерстил» грядку, чтобы «эти» сидели, не высывались, и мне нужно «дым» положить между духами и своими, расстояние мизерное, да там 5 или 6 километров была дальность стрельбы, но приличное рассеивание. То есть тупо ветерок подул – снаряд снесло. Мне нужно было уложить с такой ювелирной точностью. Также начинаю дым издалека... Все, положил, вроде неплохо. Тут нужен залп, чтобы задымили все это пространство, и тогда взвод уже наготове, готов ребят вытащить. Мне по станции замполит дивизиона, он тогда рулил, кстати, дивизионом, не знаю почему, командир дивизиона, по-моему, в отпуске был. У нас с ним, с командиром дивизиона, хорошие отношения были, у меня отдельная батарея. Вот, ну, хорошие отношения такие, рабочие, все. А с замполитом как-то не сложилось. И, вот, он мне так ехидно: «Это кто это стреляет на задымление залпами?» Что меня тогда прям... А частоты всё-таки прослушивались армией.

Я узнал его, я его слышал только один раз, но я узнал этот голос начальника артиллерии армии Силина. Вот не помню, полковник или генерал-майор, ну, в большом звании. И этот голос так ехидно: «Это кто там на задымление одиночными хочет стрелять? Тут только залпами, как корректировщик попросил». Я тангенту сорвал и ротному: «Слав, на, послушай! Армия за нас».

Хорошо, молодцы, ребята. Положили залп классно, в общем, вытащили, но, к сожалению, один убит наповал: прямое попадание в сердце. А Зарипова спасли: ему пулей затылок разворотило, но, благо, не задело ни нерв центральный, ничего. В общем, он в госпитале пролежал в Кабуле и главное, что он вернулся в ту же первую роту, причем, как вертолетчики рассказывали: «Слышь, говорит,

этот, как узнал, что мы воду и продукты возьем в 345, в «вертушку» забрался, его выгонять попробовали, потом рукой махнули: да ... с тобой.» Ну, там немножко свободные были отношения, скажем так. «Куда летишь?» – «Вот туда-то». – «Так, меня возьмешь?» – «На, – протягивает лист, – Себя в посадочный лист записывай, летим». Вот, примерно так. В общем, так, уж не знаю, как он узнал, короче, он объявился у нас на боевых действиях, сейчас не помню на каких. В общем, просто вместе с водой и продуктами из вертушки выпрыгнул. Вот, как был из госпиталя, просто в обычной одежде. Кстати, к тому времени у нас уже были трофеи, так что, ему вручили АКС «духовский», что-то еще подкинули. В общем, вертолетчики долго ржали, говорят: «Звереныш какой-то!» Мы все такие. «Знаем – знаем, это 345». Но, после окончания этого случая, когда он всю эту подоплеку выяснил... Вот, все-таки, что значит в азиатских странах уважение к старшим.

После этого вроде был закон: первую кружку чая несут ротному, а вторую – корректировщику, то есть мне. Честно говоря, так, немножко, ну, гордость, да, есть такое. Это, вот, в России как-то артиллерию не очень уважают, ну, вот, я имею в виду в частях. Я же много бываю в частях, сейчас выступаю перед солдатами, да, артиллерия как-то где-то на отшибе, а основное – это, все-таки, пехотный батальон. А во время войны артиллерию очень сильно уважают, очень сильно, а особенно, когда там работают профессионалы. Я мог бы долго рассказывать, что это действительно так. По крайней мере, у меня бойцы были – это асы. Стрелять за гору по уезжающему «КАМАЗу», то есть где-то за горой, там километров 5–7, не помню сейчас, «КАМАЗ» уезжает. Мне дают первый, потом дают корректировку

с учетом движения «КАМАЗа», четвертым снарядом у «КАМАЗа» вышибает задний мост, ну, в общем, они прыгают, они сваливаются, кто там остался в живых, духи, в общем, бегут, прыгают в кериз.

Кериз – это промоины в земле от сточных вод после снега, ну, типа пещер что ли: яма и дальше пещера. Вот, как вода вытекает где-то там под землей, промоины делает. Они туда прыгают, ну, типа воронки.

Пятый снаряд ложится в кериз. Более того, перед тем как начать стрельбу, два офицера заказывают стрельбу с «Каскадом», такой позывной у моей батареи. Ай, гордость. Офицеры в эфире матом друг на друга орали: кому стрелять с «Каскадом». Им дают батарею Д-30. «Не надо. Дайте «Каскад»». Всё-таки мои бойцы – это были асы, это профессионалы, это... Я не знаю, какая ещё есть такая армия... Но, возможно, она теперь есть в Донецке,

поскольку знакомые, которые там сейчас находятся, у меня есть. И, что меня больше поразило, когда парень, который сейчас в Донбассе, рассказывает: «В нашем полку там, вот, столько из 345-го, и там многие, кто служил раньше...» Да ладно? Знают про полк и уважают. А я

знаю некоторых из полка, кто сейчас там. 345 – легенда Афганистана – нынче расформированный полк. Расформирован он по одной причине: это было одно из условий МВФ, условие пиндосов для получения очередного транша, тогда, в 90-е годы, ну, как сейчас на Украине.

Расформировать самый боевой российский полк, легенду... Если я не ошибаюсь, на базе этого полка будет сформирована уже даже не полк, а бригада с номером 345. Есть такое, что в Центральном федеральном округе будут формировать новые части, и мне кажется, что одна из них будет носить номер 345. Если так, я сделаю все возможное, чтоб побывать на открытии, на формировании или как там... На торжественных мероприятиях воссоздания этого подразделения.

Примечание редактора: текст расшифрован с видеозаписи.

Я горжусь своим папой!

Богданова Кристина, группа Т-123

Работа заняла 1 место в Международном интернет-конкурсе «Страница семейной славы»-2014 (апрель 2015 г.).

Автор награждена медалью «Памяти интернет-журналиста Владимира Сухомлина».

Руководитель – Александра Федоровна Балашова.

Вообще у меня было несколько стадий. Вначале я крутой рейнджер, мне хорошо, я с автоматом. Потом – «батюшки, здесь ещё и убивают». Ну а когда начинают страдать твои друзья, близкие, происходит ожесточённость. Недосып, постоянные нервотрёпки доводят человека до того, что ему становится в принципе всё равно. Ты хочешь просто отомстить за своего друга. Но все необдуманные поступки происходят до первого письма из дома. Ты понимаешь, что здесь ты никому не нужен, а дома тебя ждут.

Судьба у всех складывается по-разному, но не каждый способен обратить несчастье себе во благо, как это сделал в своё время мой папа – Константин Богданов. Это его слова стали эпиграфом к моей работе.

Сейчас он мастер спорта международного класса, неоднократный чемпион Москвы, России, Европы по пауэрлифтингу, член паралимпийской сборной России. А 20 лет назад мой папа мог передвигаться только на инвалидной коляске: в ходе контртеррористической операции на Северном Кавказе

он едва не лишился ног и был на волосок от смерти.

«До армии я, как все мальчишки, занимался спортом: карате, тяжёлой атлетикой, но дальше увлечения дело не заходило. В 1994 году меня призвали на службу, попал во внутренние войска МВД, а затем, в составе своей бригады, – на

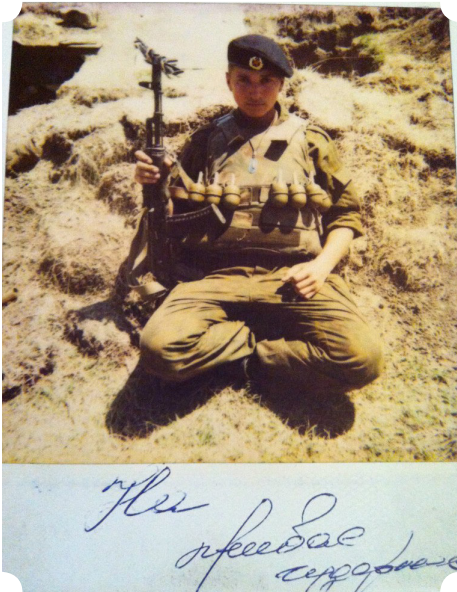
Первую чеченскую войну», – вспоминает мой папа.

«Я уже вступил в так называемую 100-дневку, когда на горной дороге БТР, в котором я ехал с сослуживцами, попал в засаду – подорвался на фугасной mine, – рассказывает папа. – Нас раскидало в разные стороны, боевики открыли огонь, и завязался ожесточённый бой. Во время сопротивления по мне полоснула автоматная очередь, и я потерял сознание. Я очнулся на земле и ничего не понимаю: где я, как здесь очутился. Автомат где-то далеко валяется, весь искорёженный. Я начинаю вставать, а по мне очередь проходит. Мне тогда повезло – пули вскользь прошли, потому что обе ноги были переломаны и подкосились. Я упал. Ко мне друган мой, Димон Лушин, подползает, я ему говорю: «Димон, что такое? Ничего не понимаю». А он мне: «Костян, в засаду попали, лежи». Я посмотрел на свои ноги – кровь, грязь, одежда на мне горит, кости все поломаны. Я поднимаю левую ногу, а она просто на коже болтается. И тут я почувствовал боль. Все наши пацаны разбросаны, а на нас «духи» идут. Метров сто до них. Кто может, тот пытается отстреливаться. Тут я уже сознание теряю. А Димон меня на себе тащил, где-то в кустах спрятались. Нас тогда отбили. Километрах в трёх была наша основная база. Видно, услышали

взрыв и перестрелку. «Вертушкой» меня привезли в Грозный. Потом были госпитали. В Саратове у меня на ногах было операций пять. Я вот смотрел на них - чёрные оковалки, пальцы не шевелятся – и думал: отрежут, и что мне делать? Я тогда маме написал, мол, спрыгнул с бетээра, ногу сломал, не волнуйся».

Ну а дальше для папы, у которого были перебиты обе ноги и рука, начались скитания по госпиталям и больницам. Первую помощь ему оказали в Грозном, далее были Владикавказ, Саратов. В последнем городе он перенёс одну за другой шесть операций. Ноги удалось спасти, но на них нужно было ещё встать. Врачи не давали никаких гарантий, и папа понял, что теперь всё зависит только

от него: от его силы духа, выдержки, дисциплинированности. Он решил тренироваться, разрабатывать мышцы, пока не научился заново ходить.

В госпиталях он провёл в общей сложности полгода, несколько месяцев мог передвигаться только в инвалидной коляске. Домой вернулся уже на костылях.

«У меня сохранился дневник. Там каждый день расписан. Я туда записывал самое простое – что мы штурмовали, что случилось, что видел, кто в засаду попал. Записывал для себя, чтобы не забыть. Я его там, в Чечне, завёл. Блокнотик-то у каждого был. Иногда захожу на «Википедию» и сравниваю даты: вроде да, вроде было, не врут, и я не придумал».

«Офицеры нам ничего не объясняли. Да что они, пили эти офицеры каждый день. Там были нормальные, а были такие, что даже противно вспоминать. Зато сейчас смотришь, они все с орденами за мужество, за отвагу. За что дали – не поймёшь. Пацаны без рук, без ног до сих пор эти медали пытаются получить. Меня два раза представляли. Потом ранение, госпитали, операции. Потом гражданка, любимая девушка. И как-то это не нужно было. Потом смотришь, один, который пил, – получил, второй, который слепого из себя строил, – получил. И не раненые, и в Чечне-то были три недели. А тут восемь месяцев в таких условиях. Ещё с поля боя вынесли».

Дальше прогресс развивался стремительно: через месяц после возвращения домой папа взялся за гантели – и вскоре на смену костылям пришла палка. В сентябре папа устроился на работу и параллельно начал тренироваться.

После страшного года потерь, боли, переживаний началась заслуженная полоса везения и удач. Наладилась и личная жизнь: в этот период мой папа встретил мою маму Наталью.

Сумев превозмочь собственный недуг, папа понял, что может вдохновить своим примером людей, оказавшихся в похожей ситуации. Он решил попробовать свои силы в тренерской работе, начал работать с молодыми людьми с ограниченными возможностями здоровья.

«Я фильмы про войну в Чечне не смотрю. Там всё как-то красиво, все такие нарядные, нереальные пулемёты-автоматы у них. Может, и было где-то так. Мы-то там как голодранцы в кроссовках рваных бегали. Было такое, что у нас даже патронов не было. У боевиков покупали. Они их варили и нам продавали. Меняли на что-то. Местные жители нас подкармливали, хлеб приносили. Мы с ними

общались, конечно. Там же тоже такие же мамы ходят, такие же дети бегают. Я и с боевиками общался. Они говорили: давайте уезжайте домой. Они понимали, что мы здесь пушечное мясо. Мы как-то на блокпосту стояли, они привезли нам хлеба, баранины: «Ребята, нате поешьте хоть, завтра убивать вас будем». Все такие здоровые, накачанные мужики, подготовленные. Молодых среди них не было. Было такое, что они приходили, хотели выменять у нас какие-то выстрелы для гранатомёта, ещё что-то. Они с нами и по радиации на связь выходили. Ловили наши частоты по вечерам».

«Мне постоянно сон снится, что меня в армию забирают, а я в военкомате доказываю, что я уже отслужил. А мне говорят, извините, у нас нигде не отмечено. И я в свою же часть попадаю, и думаю: ну ладно, я уже знаю, как служить».

Передо мной сидит настоящий русский богатырь – «косая сажень в плечах», необъятные бицепсы, мужественное лицо. При всём богатстве воображения его невозможно представить немощным, сидящим в инвалидной коляске – а ведь именно тяжёлые травмы привели его в спортзал, заставили тренироваться и, в конечном итоге, сделали чемпионом.

Константин Богданов – не только титулованный спортсмен, но и обладатель медалей «За боевые заслуги», «За ратную доблесть», «За службу на Северном Кавказе», «За офицерскую честь».

Туриков Андрей Анатольевич:
«Война - это неотъемлемая часть жизни»

*Елена Гурикова, Анастасия Гурикова
Руководитель – Маргарита Борисовна Фадеева*

Биографическая справка

Туриков Андрей Анатольевич родился 1 октября 1969 г. в городе Людиново Калужской области. 7 ноября 1987 г. был призван. Оказался в ремонтных войсках. Был задействован в боях и сражениях. Награжден юбилейной медалью «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа». Женат, один ребенок.

Учился в профессиональном лицее № 2, а потом до призыва работал на заводе ОАО «ЛТЗ» полгода слесарем-сборщиком. В 18 лет по призыву пришел в армию. Оттуда по распределению и попал на войну в Афганистане, находился полгода в учебке.

На войне в составе ремонтной роты находился 9 месяцев. Был рядовым и занимал должность аккумуляторщика. Во время службы поднимался на перевал Саланг для зарядки боевой техники.

Конечно, как и все, в ответственные моменты чувствовал волнение и страх. Но в боевой ситуации, естественно, все подобные чувства приходилось притуплять и справляться с ними. Да еще и климат непривычный. В

Афганистане днем могла быть жара до + 50, а в горах ночью могла упасть до 0. Переносимость была нелегкой, но к подобному климату приходилось привыкать. А вот быт ничем особо не выделялся. Отбой в 10, подъем в 6. Спали в казармах. На выходах (боевых операциях) приходилось спать по несколько часов в машинах или палатках. Из развлечений была только спортплощадка, на которой и проводили свободное время. Там же нельзя было никуда просто выйти.

Многие на войне трепетно относятся к суевериям. Но на протяжении всей службы на войне в приметы и подобное не верил. Война в отношении взглядов на религию ничем не повлияла, все убеждения остались прежними.

Если говорить об отношении к войне, то война есть война. Война – это всегда страшно, но необходимо было выполнять приказы. Все эти события, даже спустя много лет, все равно прокручиваются в голове. Было чувство неопределенности, не было уверенности в завтрашнем дне. Домой возвращался с чувством выполненного долга и огромной радостью, ведь все-таки о возвращении домой мечтает каждый солдат. Мы не могли сомневаться в победе и в правоте своего дела, вера в победу была огромна. И наша боевая техника в разы превосходила технику противника.

А к врагу – моджахедам – относились соответственно. Ведь он враг. На равных борьба идти не могла, потому что они действовали больше как партизаны, нежели военные. При этом с местным населением отношения были нормальные, порой даже дружелюбные.

К счастью, мне самому не довелось попасть в плен. А наши ребята попадали в плен по разным причинам, соответственно, отношение ко всем попадавшим туда абсолютно разное. Наверное, можно сказать, что мне повезло, но потерь друзей на войне не было.

Самими опасными и трудными были дни вывода войск из Афганистана.

Обстрелы по формированиям были самым страшным.

Если оглядываться назад и подумать обо всем, то на самом деле война конкретно в моей жизни абсолютно ничего не изменила. Это есть неотъемлемая часть жизни, незабываемый опыт, о котором вряд ли получится когда-нибудь забыть. Даже сейчас, спустя много лет, считаю, что наша позиция была правильной, и действия оправданы. Для меня война – это одно большое воспоминание, которое сложно разделить.

После прохождения службы вернулся к гражданской жизни: работал на Людиновском машиностроительном заводе, а потом в ООО «Барта».

Испытания судьбой Олега Гагарина

Анастасия Сурикова, группа Т-123

Работа заняла 2 место в Международном интернет-конкурсе «Страница семейной славы»-2015 (апрель 2016 г.). Руководитель – Александра Федоровна Балашова

Эту историю жизни, историю поучительную и правдивую, я записала по телефону от своего молодого человека и одногруппника Никиты. Записывала я её в течение нескольких месяцев. Никита сейчас служит в воздушно-десантных войсках города Иваново, в ремонтной роте. Когда я перечитываю записанное, слышу его голос. Думаю, при ближайшей встрече обо многом расскажу подробнее Никиту.

*Знание прошлого Отечества делает богаче духом,
твёрже характером и умнее разумом.*

В. Пикуль

ДЕТСТВО МОЕГО ДЯДИ

Парень, родившийся в небольшом по своим размерам городе неподалеку от космодрома «Байконур», есть мой дядя, Гагарин Олег Владимирович. Родился он в неплохо обеспеченной семье (по тогдашним-то советским временам) Героя Советского Союза Владимира Ильича, бывшего борца за независимость советского народа и защитника от тирании немецко-фашистских захватчиков. Олег (так в дальнейшем я буду называть своего дядю – по имени) в раннем возрасте потерял мать и с тринадцати лет жил с отцом и сестрой. Через год после смерти матери Владимир решил жениться на своей соседке, живущей через несколько домов. Он называл её ласково – Сонечка. Кстати, от неё у Олега появились на свет два брата и одна сестра, но друг с другом они так и не общаются...

Для Олега смерть родного человека была невыносимой утратой, а когда на месте его матери возникла женщина, совсем ему незнакомая, дядя стал часто с ней находиться, он возненавидел её – свою мачеху. Как он мне сказал однажды: «Я не понимал, как он посмел променять память о любимом человеке, искренне любившем его, на эту ужасную женщину. К сожалению, за это я до сих пор не могу его простить». Через некоторое время Олег смирился с тем, что произошло, но дальше его ожидал еще больший ужас: достигнув возраста в пятьдесят семь лет, его отец Владимир умирает от рака.

Все дело в случае, когда самолет-бомбардировщик, которым управлял Владимир, вынужден был совершить экстренную посадку на местности. Пилот, благо, остался цел, вылез из боевой машины, ему отрезало руку патронами, выпущенными немецким асом-истребителем в попытке добить цель. В дальнейшем рука по локоть была ампутирована, но как бы её ни старались всячески обработать, рука гнила заживо.

Олег рассказывал, плача: «Он выковыривал из прогнивших частей своей руки заживо поедающих его червячков-опарышей. У него была подготовлена даже специальная, маленького размера палочка для подобных случаев». Видимо, черви и загноения пронесли вместе с собой какую-то определенную заразу, которая и стала причиной развития болезни, а в дальнейшем – летального исхода.

ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

После случившегося его судьба была предрешена: Олег в 16 лет поступил в кадетский пограничный корпус (КПК), расположенный в Ленинграде. Жизнь его была тяжелой: вдали от малой родины он осваивал тонкости военного дела. Он многое рассказывал, в частности, о том, какова была жизнь его в этом училище. Рассказываю с его слов: «Знаешь, то, что сейчас происходит в Вооруженных Силах – цветочки, по сравнению с тем, через что прошли мы.

Мы пробегали по сырому снегу в валенках, с автоматами на плечах по 20 километров, не имея права остановиться. Старший офицер внезапно мог скомандовать «ВОЗДУХ!». В этом случае мы валились на снег, не раздумывая о последствиях, и стреляли в воздух: кто – куда. После на минуту закрывали глаза (всем безумно хотелось спать) и нехотя поднимались после команды «ПОДЪЕМ», продолжали бежать. После пробежки снимали валенки и выливали из них кровь с водой, льющуюся ручьем. Ноги превращались в кусок мяса. Было настолько тяжело, что некоторые не выдерживали. В столовой была еда, мягко говоря, невыносимо омерзительная: баночка просроченной замороженной говядины, кусок черствого черного хлеба и треугольник молока. Молоко было самым желаемым лакомством в столовой. Не то, что сейчас». К слову: к нему из родственников приезжал лишь его брат, и то только для того, чтобы оформить документы на квартиру, принадлежавшую когда-то его отцу. Он жил. Жил, и для него существовал лишь один человек, который приносил ему счастье своими письмами, посылками – его Ольга.

Они жили в одном городе, любили друг друга с самой начальной школы, занимались профессионально бальными танцами. Кстати сказать, Олег был чемпионом Европы по бальным танцам. К сожалению, я слишком мало об этом знаю, но могу с уверенностью сказать, что и сейчас в свои годы он танцует отлично. Они прошли вместе через боль и радость, она постоянно его поддерживала в трудных ситуациях, но, как это часто бывает, человеку в голову вьедаются самые плохие, принесшие ему боль, воспоминания. После окончания КПК дядя поступил учиться в Москву. Он, как прежде, переписывался с Олей и радовался жизни, так как знал, что скоро заберет ее с собой в Москву из этого маленького

города, покрытого пеленой радиационных отходов (ранее уже сказал, что город расположен около космической станции).

Самое страшное, оставившее и поныне осадок в его душе, произошло немного позже: через два года после обучения (тогда ему исполнился 21 год и он уже имел одно высшее техническое образование) в академии. Он решил забрать ее, свою невесту, благо, Родина выделила ему жилое помещение для проживания. Дядя вернулся в свой родной город, зашел в знакомый с самого детства дом за Олей, но старая женщина, сидевшая на скамейке возле дома, давно потерявшая рассудок (бабка Оли) сказала, что Оли дома нет. Дядя немного удивился, но всё же, собравшись с мыслями, пошел искать ее по городу.

Когда проходил мимо кладбища, его что-то остановило. И правда, взгляд упал на мать Оли и людей, собравшихся возле непонятого железного ящика. Олегу стало не по себе, но он подошел к тому месту. Дальше на его глазах начала обрушаться вся его жизнь. Ольга умерла из-за рака, который возник в результате повышенной дозы облучения.

ОНИ НАСТУПАЛИ, СМЕЯСЬ

В 1987 году Олега направили в командировку в Демократическую Республику Афганистан. Он рассказывал о своей службе во многих горячих точках, но подобное, что происходило в Афгане, он наблюдал впервые. Еще тогда американцы поставляли оружие террористам, были случаи, когда граждане СССР переходили на сторону противника, изменяя своей вере. Олег учился говорить на языке «духов», осматривал местность, изучал традиции этого народа, структурировал личный состав. Словом, старался открыть для себя мир глазами врага.

Он увидел впервые невыносимые страдания, через которые проходят люди ради того, чтобы выжить, и сам бывал в подобных, требующих немедленного решения, ситуациях. Его жизнь не раз подвергалась опасности, потому закалка у Олега всегда была и остается стальной. Но я немного отошел от темы. Расскажу я с его слов о самой кровопролитной и бессмысленной войне в истории СССР. Краткие истории дадут понять и осознать силу нашего великого народа.

Они освобождали небольшое поселение, маленькую деревеньку, в которой, по данным разведки, «духи» держали военнопленных. В деревне их уже ожидали. Изначально казалось, что никого нет, ни единой живой души, кроме коз, которые носились по кишлаку, не находя себе места. Их пас старик лет 70 с огромными шрамами от оспы на лице и что-то про себя приговаривал. Стоило бойцам подойти к колодцу, расположенному почти в самом центре кишлака, как вдруг открыли огонь. Бойцы спецназа немедленно предприняли меры: прижавшись всем телом к земле, они начали обстреливать каждую постройку пулеметной очередью. Не видя врага, сложно было назначить точку обстрела, потому лучшим способом было решение осыпать свинцом все в округе. Они стреляли до тех пор, пока магазины не опустели. Мирная деревенька превратилась в ад: всюду лежали трупы. Трупы «духов». Олег собрал личный состав своего взвода: не досчитались троих бойцов.

Еще у одного человека все руки были обожжены после стрельбы из пулемета. Несколько человек были временно оглушены. Но самое жуткое ожидало их впереди: из колодца, после того, как всё утихло, послышались душераздирающие вопли, мало похожие на человеческие. Они открыли крышку колодца и увидели ужасные вещи: семеро человек в изорванной грязной одежде, исхудавшие до неузнаваемости, так, что были видны ребра, еле-еле передвигались с места на место. У одного из них были перерезаны сухожилия, потому его пришлось нести буквально на руках. Но самое ужасное в том, что они жили с трупами по соседству: трупы разлагались и отвратительно пахли.

Олег не мог смотреть на все это спокойно. Он жаждал мести за своих товарищей. Именно тогда он почуял запах крови и понял, что если не убьет врага, то враг его уничтожит. С тех самых минут он стал жестоким. Жестоким по отношению к своему врагу.

На территории Афганистана стояли блокпосты. Они были расставлены в основном в тех районах, где террористические действия исламистов имели более выраженный характер. На одном из таких блокпостов находилась небольшая разведывательная рота. Парням было по 20 с лишним лет, потому молодая горячая кровь ещё пульсировала по венам, не давая покоя. На другой территории горной местности располагался другой пост. Несколько парней из разведывательной роты (4 молодых пацана, двоим из которых не исполнилось и 21 года), послушавшись приказа своего командира (Олег на тот момент был на должности капитана), выехали на БТРе в сторону блокпоста, где их знакомые сослуживцы праздновали день рождения одного из военнослужащих.

ЗАБЫТАЯ СЛАВА

Чечня. 11 декабря 1994 года – начало Первой чеченской кампании. Олег прилетел в командировку чуть позже, в декабре 1994 года.

О тех событиях я не стану многое рассказывать, потому что они действительно кошмарны. Когда Олег прилетел на боевом вертолете на аэродром, он ужаснулся: то был «аэродром мертвых самолетов», как было принято его называть. Артиллерия обстреливала все близлежащие постройки, зенитки противника сбивали вертолеты, авианосцы, самолеты разного назначения... И всё это лежало осколками, металлическими руинами прямо на взлетной полосе. И кругом трупы... Трупы. Сгоревшие тела... Смерть...

Под обстрелом Олег с группой и офицером вбежал в здание на территории аэродрома для того чтобы переждать артобстрел. На некоторое время он прекратился... Казалось невозможным... Через несколько минут после окончания обстрела послышался рев мотора. Через несколько секунд он заглушился... Крик... Несколько выстрелов... Снова крик, переполненный невыносимой болью и отчаянием. Выстрел... Тишина... Тишина, которая до безумия сильно сжала перепонки и нервы Олега, сильнее, нежели любой звук. Несколько человек выбежали на улицу из здания, Олег последовал за ними.

Стоит сказать, что близ аэродрома была расположена маленькая деревенька, за зданием, в котором некоторое время находился Олег.

Когда они вышли из здания аэродрома и забежали за него, Олег увидит то, что невозможно описать: на одном из заборов деревенского домика был распят человек... Морпех. «Неверный», по словам чеченцев. Он просил: «Помогите... Прошу вас! Помогите!» Военнослужащие начали вырывать из его рук и ног гвозди большой толщины. Кровь сочилась из ран этого бедного человека... Они уже почти сняли мужчину с забора, как вдруг послышался крик: «Ложиииись!!!» В то же время Олег немедля отпрыгнул на далекое расстояние и залег. Щелчок. За ним взрыв.

Он обернулся в сторону того дома: забор вместе с передней частью дома был разбит вдребезги, старший лейтенант вместе с двумя бойцами, которые пытались спасти морпеха и отцепить его от забора, были убиты, а точнее говоря, разорваны в клочья. Олега контузило... С этого момента он очень плохо слышит на левое ухо. Так началась Чеченская война. Уже тогда он мечтал о том, что скорее бы все это закончилось. Много крови пролил он на этой земле... Многие полегли из его знакомых и товарищей, через год с лишним у него была пробита нога осколком от гранаты, после чего он стал прихрамывать на левую ногу. В конечном итоге была проведена операция по удалению микрочастиц.

В 1996 году Олег возвращался домой. На борту ИЛ-76 был оборудован специальный отсек для перевозки пострадавших в бою военнослужащих. Некоторые так и не добрались до дома живыми. Они скончались на борту этого самолета. Зловещая смерть. Люди страдали от недостатка продовольствия, погибали от заражения крови, от значительной ее потери из-за сквозных ранений... Одним словом, было жутко сидеть рядом со своими товарищами живым и здоровым, при этом смотря на то, как они на твоих глазах погибают и от них остается лишь память. Олегу сейчас нужно было одно: отыскать своего товарища на борту этого самолета. Он был для него дорог как никто другой, потому что они росли вместе, жили, можно сказать, под одним кровом, учились вместе. Впоследствии судьба свела их в крайний раз (слово «последний» военные стараются не использовать) в Чечне на поле боя. Они пообщались словно братья, с такой любовью друг к другу, обнялись на прощание и дали слово, что по возвращении в родной край выпьют за здоровье всех погибших товарищей. Разошлись по разным блокпостам. Но тогда Олег и подумать не мог о том, что ему придется хоронить своего лучшего друга, видеть слезы его жены, чувствовать на себе непонимающий взгляд детей и читать в их еще юных глазках вопрос: «Почему отца больше нет с нами?»

Он заметил друга случайно: сквозь ширму, которая отделяла раненых военнослужащих от остальных. Олег увидит сильно обгоревшее тело. Сначала он не мог разглядеть в нем своего друга, но когда увидел амулет, подаренный Владимиру его женой, глаза Олега наполнились слезами. Он не мог сдержать чувства вины, всячески оскорблял себя. Он считал себя ничтожеством. Почему именно с ним все это происходит?! Почему он остался живым, а не погиб вместе со своими товарищами? «Нет! Нет! Нет! Этого не может быть! Почему он, а не я?!»

Олег подошел к Владимиру немного ближе и заметил, что грудь друга тяжело приподымается вверх, опускаясь снова в состояние покоя. «Жив!» – проскочило в мыслях Олега, и он заплакал. Человек, лежащий на операционном столе, немного приоткрыл глаза. То были глаза Владимира, и светились они в последний раз. Олег подошел к нему ближе, чтобы хоть что-то сказать своему погибающему другу, но тот без лишних слов просто аккуратно протянул ему свою обгоревшую руку. Олег сжал ее со всей силы, не сумев сдержать слезы, свой мучительный стон из недр души. Владимир успел сказать ему только одно слово – «Спасибо». Но всё и так было понятно. Олег держал его за руку, пока у Владимира не остановилось сердце. В последующие года он занимался разработками устранения контртеррористических операций, так же, как прежде, ездил в командировки, постоянно рисковал своей жизнью во благо Отечества.

Множество ужасающих картин повидал он в своей жизни после всего этого. Адская боль в голове и ушах после контузии не дают о себе забыть. Они то и дело возвращают Олега в этот ужас. В этот крошечный ад. И, казалось бы, всё уже давно забыто, но это совершенно не так: воспоминания приходят с еще более ужасающей болью. Как-то раз Олег рассказал мне: «Мне очень часто снится сон. Ужасный сон. Все мои друзья мертвы. Кто-то из них, раненный, истекает кровью. Я беспомощно смотрю на это и не могу ничего сделать. Меня обступают «духи» со всех сторон, куда ни посмотри. В руках только одна граната. Я выдергиваю чеку, но вместо взрыва просыпаюсь, весь облитый холодным потом. Боже, почему я тогда не умер?»

Воин-контрактник войны Осетия - Грузия Кузьмин Роман Алексеевич

*Хромова Софья, группа СТ-115
Руководитель – Марина Владимировна Головняк*

Мой брат, Кузьмин Роман Алексеевич, родился 20 марта 1987 года. В 18 лет пошел в армию, отправили его в Тамбов. Там он прослужил 2 года, по окончании службы ему предложили подписать годовой контракт на войну между Грузией и Южной Осетией. В тот момент, когда он находился на войне, я и мои родственники были неподалеку. Моя мама, Хромова Ольга Васильевна, не знала, что он пошел на войну, но сказал, что подписал контракт, не сказав куда...

Однажды, когда мы вернулись с моря, мама включила телевизор и по новостям показывали, как бомбят ущелье, неподалеку от нас. Как, оказалось,

были подключены войска спецназа какой-то дивизии. В этот момент мы слышали грохот и стрельбу – это громили ...ущелье. Было очень тяжело там находиться, зная, что мой брат может погибнуть. Где-то на протяжении полугода мы находились в неизвестности. И вот нам пришло письмо о том, что он жив и здоров, и скоро приедет домой.

Я очень хорошо запомнила тот день, когда он пришел. Каждый день к нам приезжали гости, он рассказывал очень много разных историй. Но, к сожалению, я их не запомнила. Я помню только, как он спокойно рассказал о том, что в том самом ущелье он чуть не погиб, пуля пролетела рядом с шеей, саданула по коже. Каким-то чудом он выжил.

3 глава.

Участники локальных военных конфликтов – гости колледжа «Царицыно»

Встречи с интересными людьми в колледже «Царицыно»

*Кто ещё из читателей «Задушевного слова»
Любит играть в солдатики?.. Очень плохая игра...*

Николай Оцуп, поэт Серебряного века

*Говорят, нужен разум в Эдеме,
Но нужнее на грешной земле.*

С. Липкин, поэт-фронтовик

Войны начинают, когда хотят, но завершают, когда могут.

Никколо Макиавелли

Руководитель музея «Имён связующая нить» колледжа «Царицыно» Александра Фёдоровна Балашова в течение 2015–2016 учебного года организовывала встречи с интересными людьми в рамках музейной деятельности. 4 декабря 2015 г. в актовом зале отделения гостиничного и ресторанного бизнеса состоялась встреча с директором благотворительного фонда помощи инвалидам и пожилым, живущим в домах престарелых «Старость в радость», Елизаветой Олескиной и координатором фонда Ольгой Приходько. 15 марта 2016 г. в музее колледжа «Царицыно» студенты колледжа беседовали со старшим сценаристом телеканала «НТВ» Татьяной Щербаковой на тему «Основы правильного питания».

Многие из мероприятий связаны с темой войны и способствуют патриотическому воспитанию молодёжи. 13 ноября 2015 г. в музей «Имён связующая нить» приехал руководитель поискового отряда «Катюша» Иван Власов.

1 марта 2016 года в формате литературной гостиной в музее колледжа «Царицыно» состоялась встреча студентов с Президентом ПараАртийского Комитета России и ПараАртийского Центра «Иван да Марья» Марией Максимовной Веселовской-Томаш. Мария Максимовна – член Российского авторского общества (РАО); член Международного союза славянских журналистов (2006); член Международной ассоциации писателей и публицистов (2008); член Союза журналистов РФ (2014), дипломант 7-го Международного Пушкинского конкурса (Нью-Йорк, 1997); четырёхкратный лауреат Международного интернет-конкурса «Страница семейной славы». Большое внимание она уделяет темам войны и памяти.

3 февраля 2016 г. в актовом зале отделения гостиничного и ресторанного бизнеса состоялась встреча с участниками боевых действий в Чечне, представителями Фонда «Братство внутренних войск». В колледж «Царицыно» приехали Богданов Константин Юрьевич (президент Фонда, участник Первой чеченской кампании), Шушпанов Алексей Вячеславович (вице-президент Фонда, участник Первой чеченской кампании), Махлин Алексей Николаевич (участник Первой чеченской войны); Манилов Вячеслав Сергеевич (участник Первой чеченской кампании, ополченец ДНР). 9 февраля 2016 г в музее колледжа «Царицыно» студенты смогли побеседовать с участниками боевых действий в Афганистане, писателями Бедретдиновым Хайдаром Сулеймановичем и Стародымовым Николаем Александровичем.

Вашему вниманию предлагаются отзывы о мероприятиях, связанных с локальными войнами.

Писатели рассказали студентам колледжа «Царицыно» о войне в Афганистане

Александра Федоровна Балашова

9 февраля 2016 г. в музее колледжа «Царицыно» состоялась встреча с участниками боевых действий в Афганистане, писателями Бедретдиновым Хайдаром Сулеймановичем и Стародымовым Николаем Александровичем. Гости привезли в подарок свои книги (романы, стихи, дневник участника войны в Афганистане) и диски со стихами. Познакомиться с этими произведениями можно в библиотеке отделения гостиничного и ресторанного бизнеса, а также на персональных сайтах гостей (<http://starodymov.ru> и <http://haydar.ru/>).

Х. С. Бедретдинов – полковник, ветеран органов государственной безопасности, член Союза ветеранов госбезопасности, поэт. На сайте Хайдара Сулеймановича о нём сказано: «по профессии – “физик”, но душою – лирик и умеет передать настрой души поэтическим словом». Н. А. Стародымов – российский писатель, журналист. Он принял участие в боевых действиях: Афганской войне (1985-1987), Первой чеченской войне (1995-1996), Дагестане (1999), Второй чеченской войне (1999). После увольнения в запас Николай Александрович работал главным редактором журнала «Боевое братство» (2001-2007) и в других СМИ. В настоящее время является заместителем начальника издательско-информационного управления Международного сообщества писательских союзов (МСПС). Среди военных наград гостя – орден «За военные заслуги» (1996), орден «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» (1987), медаль Суворова (1999), медаль «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа» (1988), знак отличия «За службу на Кавказе» (2002).

Стародымов Николай Александрович родился 24 февраля 1956 года в Москве, получил высшее образование. Боевой путь: Афганистан 1986-87 гг.; 1-я Чеченская кампания 1995-96 гг.; Дагестан 1999 г.; 2-я Чеченская кампания 1999 г. Боевые награды: орден «За службу Родине в Вооружённых силах СССР» 3-й степени; орден «За военные заслуги»; медаль Суворова. Состав семьи: два сына, одна внучка

Ежегодно в России 15 февраля отмечается День памяти воинов-интернационалистов. Именно в этот день, 15 февраля 1989 года, последняя колонна советских войск покинула территорию Афганистана. Поэтому беседа касалась преимущественно этой темы. Россия после II Мировой войны приняла участие более чем в 30 военных конфликтах. Информация о большинстве замалчивается, в то время как, например, в Австралии, где побывал Х. С. Бедретдинов, в Музее воинской славы написаны имена всех участников этих конфликтов со стороны этого государства. Вспомнили и отвар из верблюжьей колючки, помогавший от желудочных заболеваний, и бедность местных жителей. Например, как поначалу поразили странные следы на песке: местные жители вырезали следы из шин и привязывали верёвочками к ногам, так как калоши считались роскошью. Рассказали, как противники использовали розовое масло, чтобы собаки не могли учуять мины. А детишки пускали воздушных змеев, чтобы по числу ленточек душманы узнавали о составе колонны.

Вашему вниманию предлагаются некоторые отзывы участников встречи.

Евгения Юрьева, Т-01

Хайдар Сулейманович прочитал нам свои стихи. Мне особенно запомнились два: «Сон о Царицыне» и «Воздушный змей». Мы поговорили о нашем чудесном музее-заповеднике и архитекторе В. И. Баженове. Несмотря на то, что наш гость прошел Афганистан и Чечню, в его стихах отражается тонкость его души. Николай Александрович пишет о многом, в т. ч. о войне в Афганистане, о солдатах и офицерах, которые выполняли свой интернациональный долг, порой рискуя жизнью. Обязательно возьму в библиотеке его книгу и почитаю.

Дмитрий Крепостин, Т-123

Наши гости рассказали много интересного: какие традиции они соблюдают, верят ли в приметы. Послушали любимую песню Николая Александровича – «Не грусти, ветеран». Её исполняет друг нашего гостя Сергей Кузнецов, руководитель коллектива «Музыкальный десант». Каждый пытался рассказать как можно больше интересного. Рассказали о том, как в военный период спасались от противников. Каждый из ребят усвоил что-то отдельное для себя. Хочется поблагодарить организаторов за встречу.

Ирина Зайнулабидова, Т-01

Нам рассказывали много интересных и познавательных историй: что представляют собой боевые действия, как проходила война в Афганистане в

целом, что было самое страшное, как наши гости относились к приметам, как шли в бой, про комендантский час, о том, как писали стихотворения и рассказы. Н. А. Стародымов рассказывал, как вёл дневник, Х. С. Бедретдинов предоставил нам уникальную возможность послушать, как он читает свои стихи – это было очень интересно и познавательно.

Все, что нам рассказали, мне очень понравилось: я узнала новую информацию, где-то еще раз убедилась в своем представлении войны, но единственное, что огорчает – это то, что об этой войне известно мало, так как в те годы информация никуда не поступала: ни в печать, ни на радио, ни на телевидение.

Эдуард Сороковиков, Т-01

Гости были преклонного возраста, имели награды за участие в боевых действиях и создавали впечатление опытных и повидавших многое людей. Гости рассказали о пребывании в Афганистане, о своём участии в боевых действиях, о солдатском быте. Также гости познакомили нас со своим творчеством.

Х. С. Бедретдинов прочитал замечательное стихотворение о дворцово-парковом ансамбле «Царицыно», стихи о войне в Афганистане. Они полны чувств и философских мыслей о войне.

Н. А. Стардымов рассказал о своих книгах о войне в Афганистане, которые передал в библиотеку колледжа. Мероприятие закончилось совместной фотографией гостей со студентами.

Вячеслав Виноградов, Т-01

Мне запомнилось, как Хайдар Сулейманович читал свои стихотворения, написанные в Афганистане, Николай Александрович рассказывал интересные истории о временах войны. Александра Федоровна показала нам фрагмент из программы «Время», документальные кадры о войне в Афганистане. Мы много узнали об этой войне, услышали прекрасные стихи. Спасибо, что пришли к нам в гости.

Анна Лебедева, Т-01

Мне понравились рассказы Николая Александровича: они очень интересные и харизматичные, как и сам писатель. Он рассказывал истории, которые с ним приключились. Вот одна из них: «Мы пошли через поле и вдруг услышали выстрелы. Быстро присели. Но когда нужно было бежать... Я не смог... Я до того испугался, что моё тело совсем не слушается. Но когда мои товарищи все встали и побежали, я смотрел на них, как они удаляются от меня. И я, глядя на них, встал и побежал. Не знаю, как. Но я побежал. Я считаю, что самое плохое – остаться на войне одному».

А Хайдар Сулейманович читал стихи. Мне запомнилось стихотворение «Сон о Царицыне».

Очень понравилась встреча. Хочется, чтобы гости ещё приехали к нам в колледж.

Анастасия Шилкина, Т-01

Хайдар Сулейманович и Николай Александрович поделились с нами воспоминаниями о тех непростых временах. Мы услышали множество военных историй и даже рассказы о суевериях (не идти в новой форме в бой, чтоб не убили). Мы в который раз убедились, что война – это не то, что пишут в книгах. На войне не погибают со знаменем в руках, как Андрей Болконский. Это не фильм, и шансы дожить до конца войны очень малы. Я благодарна нашим гостям за то, что они рассказали нам и о самых страшных воспоминаниях.

Людмила Ханькина, Т-01

Мне очень понравилась эта встреча, я узнала много нового интересного и познавательного. Запомнились стихи «Сон о Царицыне», «Воздушный змей» и «Кабульский скворец». Особенно мне запомнилось именно стихотворение о скворце, потому что оно немного с юмором. Все стихи были очень интересные и познавательные.

Ещё мне запомнились рассказы Николая Александровича. Они у него своеобразные и смешные. Потому что он повторял: «Я не люблю говорить о войне с плохой стороны, я люблю говорить немного с юмором о ней». Рассказ о том, как он участвовал в боевых действиях, с его слов выглядел как будто сказка, но на самом деле это не так. Всё это реально и нет капли преувеличения. Ведь действительно, часть того, о чём рассказывали в новостях – это не так. И когда общаешься вживую с такими людьми, слушаешь все их рассказы, истории, ты понимаешь, что в то время было ужасно, узнаёшь, как советские солдаты жили, как воевали, и это просто не укладывалось в голове.

Мне очень понравилась встреча. И я считаю, что узнавать о войне и о боевых действиях лучше из первых уст. А всё, что показано в кино, – это версия с некоторым преувеличением.

Анна Логвинова, Т-01

Встреча была очень познавательной и интересной. Я узнала о быте солдат, об их чувствах и переживаниях. Николай Александрович старался с юмором и своеобразным задором передать весь страх и боль, что принесла ему война. Мне хорошо запомнился момент его рассказа, когда он шел куда-то с другими, Николай Александрович услышал свист выстрела. После него он не мог пошевелиться. Его не слушались руки и ноги. В это мгновение я подумала о том, что действительно чувствует человек, находящийся на грани жизни и смерти. Он вел дневник, хотя это было запрещено в то время.

Много великолепных стихов написал Хайдар Сулейманович, в них чувствовалась грусть и печаль. Видео растрогало меня до глубины души. Столько ужаса было в тех кадрах, сколько убитых и раненых солдат.

Мне очень понравилась эта встреча с участниками боевых действий. Теперь я больше знаю о войне и о чувствах, которые на ней испытывают.

Павел Овсянников, Т-01

Оба наших гостя участвовали в боевых действиях: один в качестве бойца, другой в качестве журналиста. В их памяти осталось многое, о чём не знает обычный народ, потому что во время проведения Афганской кампании и после неё правительство Советского Союза стремилось не разглашать обо всем, что тогда происходило. Девяностые – развал, а дальше нулевые – становление новой страны. Никому не было дела до какой-то военной помощи другому государству. Мы действительно многое об этом не знаем. Не знаем, в каких условиях проходили боевые действия, не знаем, как обычные ребята, призванные «срочники» оставались там намного дольше своего законного срока ради того, чтобы помочь молодым ребятам, прибывшим только что на войну. Естественно, теперь мы осознаем это, и наши сердца еще больше наполнила гордость за свой народ. В любой военной кампании, в которой участвовала Россия, когда помогала различным странам в урегулировании конфликтов (а их было более 30), наш народ проявлял подлинный героизм. Нам рассказали пугающие воображение истории, которые случились с ветеранами. Мы прочувствовали, что на самом деле это был тяжелейший выбор, на который не у каждого хватило бы смелости. Рассказали и про приметы, в которые верили солдаты. На мой взгляд, это очень интересно и занимательно. Та же самая боязнь фотографий перед выходом на боевое задание, на наш взгляд – несерьёзно и смешно. А из-за того, что происходило, солдаты верили в это, хотя не каждый. Скорее всего, приметы и не срабатывают, но то воздействие на психику, которое происходит при гибели товарища на задании после фотографии, заставляет невольно верить в эти приметы.

В заключение я хочу сказать, что такие беседы очень важны для молодёжи и для общества в целом, потому что это заставляет гордиться своим народом и уважать заслуженных героев, которые, к сожалению, почти забыты государством в нашей стране.

Дмитрий Андрийчук, Т-01

Воспоминания о войне остаются у солдата на всю оставшуюся жизнь. Но с течением времени плохие забываются, а дарящие улыбки на лице – остаются навсегда в сердце воина. В этом я убедился на встрече с участниками боевых действий в Афганистане. На занятии наша группа услышала много стихов Хайдара Сулеймановича Бедретдинова. Они посвящены событиям, чувствам и воспоминаниям. Во время чтения стихотворений на лице нашего гостя часто появлялась улыбка. Война – это бесконечные слезы, потери и страхи. Но человек, по своей сути, старается запомнить лишь добрые и светлые моменты, даже если их совсем мало. Второй участник – Николай Александрович Стародымов. Благодаря ему в то время люди узнавали о событиях войны. Ведь журналист на войне востребован так же, как и любой другой солдат. Поэтому на случай плена Николай Александрович всегда держал в кармане рубахи гранату. В основном, всё, о чем рассказывали гости, вызывало радостное ощущение. С момента окон-

чания войны прошло уже много лет. Участники уже успели обдумать, проанализировать свои воспоминания. И я очень рад, что даже на войне есть моменты, вспоминая которые, солдат может улыбаться.

Анастасия Копылова, Т-01

Участники боевых действий в Афганистане, приехавшие к нам в колледж, рассказали о войне и о жизни в то время. Хайдар Сулейманович – не только ветеран, но и поэт. Его стихи тронули меня до глубины души.

Николай Александрович рассказывал о боевых действиях в Афганистане и Чечне. Встреча была очень интересной. У меня осталось много положительных эмоций. Было бы очень здорово, если бы в колледж почаще приезжали такие замечательные люди.

Валерия Демишева, Т-01

К нам пришли два человека с огромным жизненным опытом. Они рассказали о том, как и что делали на войне. Рассказали о страшных случаях, вспомнили и весёлые ситуации. Говорили также о приметах и суевериях. Писатель Николай Александрович участвовал в боевых операциях не только в качестве военнослужащего, но и как журналист: собирал материал для газеты, в которой работал в те годы.

Поэт Хайдар Сулейманович читал нам свои замечательные стихи, которые написал во время войны в Афганистане. Наши гости рассказали много интересного и о войне, и о своей жизни. Спасибо им за то, что посетили наш колледж и поделились своими мыслями.

Данил Марданишин, Т-01

Одно из стихотворений Хайдара Сулеймановича мне особенно запомнилось. Это «Афганская боль» – о службе, о любви к Родине. Николай Александрович рассказывал истории о войне в Афганистане, о своём первом выезде на боевые действия. Беседа получилась очень душевной и интересной.

Матвей Самойлюк, Т-01

После эмоционального рассказа Николая Александровича начинаешь воспринимать войну более серьёзно. Я узнал, как проводились военные действия. Несмотря на всю серьёзность обстановки находились и юмористические моменты.

Хайдар Сулейманович читал нам свои стихи и рассказывал про войну. Больше всего мне запомнилось, как местные жители в Афганистане (дети) передавали информацию о составе колонны советских войск с помощью определённого количества ленточек на воздушных змеях.

В общем, мне выступление гостей понравилось. Было очень интересно. После таких мероприятий начинаешь уважать наших солдат ещё больше и сильнее любить Родину.

Екатерина Кутакова, Т-01

Из этой встречи мне больше всего запомнился рассказ Николая Александровича об афганских детях, о том, как они жили, какая была обстановка, как они были одеты. Меня очень поразило то, как афганские ребяташки отреагировали на экскурсию в Ташкент. Они были удивлены большим фонтанам, в то время как в их деревнях не было достаточного количества воды. Меня очень

тронул рассказ о том, как там жили люди. Ведь, как сказали участники боевых действий, в Афганистане для жизни было пригодно около 4 % земель. Также мне запомнился рассказ Николая Александровича о его боевых операциях, буднях журналиста на войне. Наш гость не отказался ни от одного боевого выхода, хотя имел на это право. Ещё меня восхитили стихи Хайдара Сулеймановича «Кабульский скворец», «Сон о Царицыне» и другие. Они очень полно отражают всю обстановку в Афганистане. Также мы смотрели фрагмент программы «Время» 1989 года. В ней рассказывается о нелёгкой миссии советского воина. На самых первых кадрах мы видим, как сын бросается на шею отцу. В глазах отца – слёзы. Наконец-то наступило долгожданное событие: советские войска уходят из Афганистана. Конечно, мы мало знаем об этой войне, так как в своё время эти события особо не афишировались. Только благодаря рассказам таких людей как Хайдар Сулейманович и Николай Александрович мы можем получить примерную картину той войны.

Н. А. Стародымов на своём сайте тоже оставил отзыв о встрече: <http://starodymov.ru/?p=20760>.

Х. С. Бедретдинов вспоминал, что чувствовал себя увереннее, чем многие сослуживцы, знал, что пулю в затылок ему никто не пустит. Старикам он давал подавание. Уважал старших, как и велел отец, читавший 5 раз в день молитву. Складывая руки, он шептал – поминал души ушедших родственников. И говорил, что обязательно нужно ещё перечислять имена учителей. Тогда Хайдар удивлялся: «Отец, у тебя 2 класса образования, а перечисляешь столько, будто аспирантуру МГУ окончил». «Учитель – это каждый, кто дал тебе урок добра», – был ответ.

УЧИТЕЛЯ

Есть обычай на Востоке –
Почитать Учителей –
Сердобольных и жестоких
В доброте святой своей.

А Учитель – это каждый,
Кто тебе хоть что-то дал,
Уберег от зла однажды,
Слово доброе сказал.

Поругал тебя когда-то,
В ложный миг остановил,
Воспитал в тебе солдата,
Не жалея сна и сил.

Потому и не на месте,
А вперед летит Земля,
Что живут всегда на свете
Доброты Учителя.

Пестуют неблагодарных,
Глупых, дерзких, дорогих,
Не надеясь, что когда-то
Добрым словом вспомнят их.

Фото: Анастасия Копылова, Роман Романов, Т-01

Студентам колледжа «Царицыно» рассказали о войне в Чечне

Александра Фёдоровна Балашова

3 февраля 2016 г. в колледже «Царицыно» в рамках месячника военно-патриотического воспитания состоялась встреча с участниками боевых действий в Чечне, представителями Фонда «Братство внутренних войск».

Перед собравшимися в актовом зале отделения гостиничного и ресторанного бизнеса выступили представители Фонда «Братство внутренних войск»: Богданов Константин Юрьевич (президент Фонда, участник Первой чеченской кампании), Шушпанов Алексей Вячеславович (вице-президент Фонда, участник Первой чеченской кампании), Махлин Алексей Николаевич (участник Первой чеченской войны); Манилов Вячеслав Сергеевич (участник Первой чеченской кампании, ополченец ДНР).

В 2015 году студентка группы Т-123 Кристина Богданова написала сочинение о своём папе – Константине Юрьевиче Богданове – и заняла первое место в ежегодном международном интернет-конкурсе «Страница семейной славы», была награждена медалью Союза журналистов России «Памяти интернет-журналиста Владимира Сухомлина». 3 февраля у её однокурсников и преподавателей появилась возможность услышать из первых уст о тех событиях, на основе которых была написана работа Кристины.

Гости рассказали о боевых действиях в Чечне в 1994–1996 гг., прокомментировали документальные фотографии, призвали молодых людей обязательно отслужить в армии. Также они ответили на вопросы из зала. Обучающихся колледжа интересовали различные моменты, например, наказание за потерю табельного оружия (даже если боец контуженного выносили с поля боя, к нему в госпиталь приезжали, заводя уголовное дело, чтобы спастись скрученный взрывной волной автомат). Спрашивали, страшно ли на войне убить человека.

Участник Первой чеченской войны Алексей Николаевич Махлин был награждён на сцене актового зала нашедшей его спустя 20 лет медалью «За боевые заслуги» под номером 255.

Также гости посетили музей колледжа «Царицыно». Константин Юрьевич Богданов подарил музею флаг «Братства внутренних войск».

Дмитрий Крепостин, Т-123

Самым главным участником был папа студентки группы Т-123, моей одноклассницы Кристины Богдановой – Константин Юрьевич. Он показывал и комментировал фотографии военных действий. Для меня самым неожиданным моментом было награждение одного из участников боевых действий номерной медалью за защиту нашей Родины. После просмотра фотографий Константин Юрьевич рассказал немного о себе. Затронул тему военных действий 1995 года, в которых сам принимал участие. Рассказал о том, как ему чуть не оторвало ноги, как пришёл домой на костылях и боялся смотреть на своё лицо в зеркало. Хочется выразить огромную благодарность всем участникам этой встречи, где каждый присутствующий окунулся в те события, которые происходили в Чечне.

Камилла Алибекова, Т-128

Я получила истинное удовольствие от общения с нашими гостями – участниками боевых действий в Чечне. Они – настоящие герои, совершившие подвиг, выполняющие свой долг перед Родиной, защищая мирное население от наглых бандитов и террористов. Услышав их истории, я очередной раз убедилась, что нужно знать обо всех войнах и конфликтах, чтобы помнить и уважать то дело, ради которого они могли погибнуть. А главное – всё это делается ради мирного неба и нашего спокойного сна. Спасибо им огромное. Мы всегда будем помнить их героизм и отвагу.

Дмитрий Андрийчук, Т-01

К нам пришли поделиться своими воспоминаниями о тех жестоких днях, проведенных на поле боя, участники войны в Чечне. Рассказывать о войне – всё равно, что снова побывать на ней. Было видно, как военным сложно вспоминать потери, пережитые страхи и отчаяние. Ведь многие участники подобных войн стараются забыть то время, почувствовать себя обычными людьми. Были моменты, когда рассказчики улыбались, смотря на фотографии своих напарников по службе, видя госпиталь и родную казарму. Константин Юрьевич говорил нам, что раз в год все вступившие в ряды «Братства внутренних войск» отдают честь павшим воинам у братских могил. Понимаю, что война – это героизм, боль и кровь. Люди, побывавшие у нас на встрече, с честью исполнили свой патриотический долг, защищая нашу страну. Я думаю, что благодаря таким поступкам люди будут всегда гордиться смелостью русского солдата.

София Жвания, МГ-16

Каждый из участников встречи рассказывал о том, как попал в Чечню, будучи ещё молодым солдатом, и боролся с боевиками. Нам рассказывали, что Чечня тогда представляла собой пустынное место, на дорогах была грязь, и приходилось

ставить палатки прямо в эту грязь; было холодно и голодно. Рассказывали, как вели военные операции, попадали в засады. Мне запомнились слова о том, что, безусловно, каждому было страшно, но всем было бы стыдно это показать, зная, что он не один в таких условиях. Таким образом, существовала моральная поддержка между солдатами. Никто из участников не жалеет о своём опыте, потому что они боролись за добро. И теперь им есть, о чём вспомнить. Содержание этих воспоминаний представляет собой большую ценность для каждого из них, так как они там были, они боролись за благое дело. Значит, им есть, чем гордиться. Во многом благодаря их вкладу Чечня сегодня является именно такой, какой мы её знаем: красивой, а главное – мирной. Была и некая мотивация к службе в армии: один из участников говорил, что не нужно пытаться избежать службы, это полезный и нужный опыт, тем более, что сегодня юноши служат только год и проживают в хороших условиях (есть «тихий час», хорошо кормят и т. п.). Ну, а если каждый будет пытаться избежать службы, то кто тогда будет защищать нашу страну?

Даниил Ханько, МГ-16

Побывав на встрече с ветеранами локальных конфликтов, я увидел людей, которых можно назвать, прежде всего, настоящими мужчинами, готовыми защищать свою Отчизну, семью. Также удалось поприсутствовать на вручении награды герою, который оборонял и штурмовал «чистилище» – город Грозный. А ещё хотелось бы выразить благодарность тем людям, которые познакомили меня и моих друзей с представителями «Братства внутренних войск».

Андрей Вечерковский, Т-129

Гости сегодняшнего мероприятия, участники войны в Чечне, проявили лучшие человеческие качества – мужество и благородство. Например, не стали стрелять в женщину, которая несла врагам еду. Особенно мне запомнились слова папы Кристины Богдановой: «Никто не отрицал, что было страшно, но никто не показывал свой страх, просто надо было идти и воевать. Я всегда хотел идти первым».

Алина Асатурова, МГ-16

Война – страшное слово, и это в очередной раз доказала встреча с участниками боевых действий в Чечне, которые также являются представителями Фонда «Братство внутренних войск». На какое-то время аудиторию погрузили в события той войны. На волосок от смерти повисшие судьбы, подвиги и личностные принципы на войне, страх даже самых смелых, желание жить, бросив вызов врагу – всем этим были наполнены рассказы гостей. «Чечня в то время – это грязь и кровь», – именно так говорят участники боевых действий. Как бы это ни звучало, но, пожалуй, нельзя более точно описать то время, в которое погибло так много ни в чем неповинных людей. Также встреча приобрела патриотическую направленность: мужчины призывали молодых людей пройти службу в армии,

уверяя их, что это неотъемлемая часть мужского начала, которая позволит им окрепнуть духом и воспитать в себе защитника Родины. Эта встреча позволила еще раз задуматься о том, что нами не должны забываться такие важные события, как боевые действия где-либо, ведь именно благодаря их участникам над нами всё еще мирное небо!

Ильмира Азымова, Т-128

Я получила огромное удовольствие и много эмоций от общения с нашими гостями. Они – настоящие герои, прошедшие через такое, что многим из нас и не снилось. Совершая подвиги, они защищали свою Родину. Несмотря на то, что им пришлось через многое пройти, эти люди чувствуют себя счастливыми, радуются жизни, улыбаются, шутят. Услышав об их судьбах, мы все убеждаемся, что необходимо помнить о таких героях, которые рискуют своей жизнью ради нашего спокойного сна и мирного неба над головой. Нужно уважать их за отвагу и героизм. Спасибо им огромное.

Фото: Юрий Борискин, Т-128; Кристина Малахова, МГ-16; Галина Холомеева (фотограф Фонда «Братство внутренних войск»).

4 глава.

Когда говорят пушки, музы не молчат –
стихи гостей и обучающихся колледжа о войне

Стихи

Хайдара Сулеймановича Бедретдинова

Афганистан

Сюда привёл нас пролетарский долг,
Долг сердца и души. Раз другу трудно,
Мы покидаем праздничный свой дом,
Чтоб окунуться в боевые будни.

Притих от напряжения Герат.
Мои друзья спасают чьё-то детство.
Там, за горою, выстрелы гремят,
Но каждый попадает в моё сердце.

В наше сердце входят пули,
Что по вашей бьют земле.
Выстрел грянул здесь, в Кабуле,
А откликнулось в Москве.

От дома вдали не трепли нам нервишки –
Не пой под душманскую дудку, скворец.
Мы здесь для того, чтоб афганским детишкам
Ты мирные песни запел наконец!

Только вдруг сверчок ударил.
Ты откуда здесь, земляк?
Да, пустыня – не подарок,
Но и мы ведь – не кизяк!

Здесь полусонно царствует
Четырнадцатый век:
От человека кастами
Отрезан человек.

Мы друг к другу путешествуем с тобой,
Совершая сердцем путь неблизкий,
И растёт нелёгкою ценой
Многотомник нашей переписки.

Если вдруг смерть не приснится,
А обернётся бедой,
Лишь долгожданные письма
Станут живою водой.

Ночь прощается с Кабулом,
Нарождаются лучи,
С минарета звонко будит
Правоверных азанчи.

Торгуют бойко с шуткою
Почти что пацаны –
Считать здесь раньше учатся,
Чем надевать штаны.

Глоток воды в пустыне –
Письма, ВЫ!
Ладонь на лбу моём любимой –
Письма, ВЫ!
Когда б себе Вы, письма,
Цену знали,
С меня бы златом плату
Брали ВЫ!

Дует «афганец», рождая метель.
Под канонаду мне снится:
Парк, утонувший в снегу, карусель,
Иней на милых ресницах...

По горам с вагагой дюжей
Бродит здесь «Али-баба»:
В благодати ночи южной –
Чахардошная пальба.

Не подведи меня, сердце,
Не подведи!
На тебя лишь надежда
Вернуться из этого ада,
Доведи меня с честью,
До дома меня доведи.
Только Родины воздух
Нам Высшею будет наградой.

Над Кабулом – флот воздушный:
За лоскутиком лоскут,
Детворы афганской души
Полям маковым цветут.

Воздух - вакуум,
Солнце - рентген,
И земля, как цемент,
Горы - в камне верблюды,
А над всем минарет,
И опять минарет,
Словно коконы,
В ткани обернуты люди.
Заунывный азан,
Хохот злой ишака,
И насквозь пропылившийся ветер.
Вол, дувал и соха -
Весь портрет кишлака -
Летаргия минувших столетий.

Древний великий и гордый Герат!
Из-под чалмы куполов – строгий взгляд.
Здесь с ишаком своим верным бродил
Вечный насмешник – Ходжа Насреддин.

Здесь рано детей приобщают к работе,
С пелёнок их учат торговому счёту.
Торгуется бойко сопливый торгаш -
Чудно, но и горько – как цену не дашь!

Вот шныряют пацаны с ведрами, с водой,
Мешковатые штаны подвязаны тесьмой.
Ангелочки-смугляши – бродит ребягня.
До чего же хороши – такой же у меня.

Земля по адскому промчалась кругу,
Мою изранив душу и твою.
Я пел тебе, любимая, в разлуке,
А рядом я не так ещё спою!

Были обстрелы. Дымился дувал.
Мы и не ждали покоя.
Может, и я в сердца попадал
Изредка... меткой строкою.

Баллады тех лет жизнь слагала сама,
Лишь тексты записаны нами.
Как пули по целям ложились, сполна
Отдав свое краткое пламя.

А было всё: и фронтовое братство,
И слёзы жён, и письма от детей,
И похоронок стук в окошки адский,
Любовь впервые – к Родине своей.

Ну, а любимая! Сколько же сил
Нужно ей было в разлуке!
Вот, кто геройски медаль заслужил
“За боевые заслуги”!

Воспоминанья – вехи жизни нашей.
Себя найти помогут нам они.
Испив до дна разлуки мудрой чашу,
Я вспоминаю будущие дни.

Побочка

Воспеваясь в стихах, в кинолентах,
Как и было во все времена,
Превращается в миф и легенду
Постепенно Большая война.
Но бывают и Малые войны.
А на них-то – особенный взгляд:
К ним относятся либо спокойно,
Либо помнить совсем не хотят.
Не в почёте её ветераны.
Не искрится их гордостью взгляд.
Но войной нанесённые раны
Даже в душах потомков болят.

Рисунок Екатерины Кутаковой, группа Т-01. Ни души

Стихотворение Дмитрия Викторовича Записного

Будем

Во все переиграли – остались только войны.
Карты разложили – соратники довольны.
Здесь пойдет пехота, тут поедут танки.
Воевать охота утром спозаранку.

Будем падать и вставать,
Убивать и умирать.
Нам дороже всех красот
Пушка, что всем смерть несет.

На могилке посидим, потужим.
Мы исправно свою службу служим.
Служим...

Все перечитали, спели, рисовали.
Всех жить мы научили, мозги всем задолбали.
Только все не этак, да не так ложится.
Все, блин, непонятно, лучше застрелиться.

Будем жмакаться, мечтать,
Спать ложиться и вставать.
Утро что-то принесет,
Вечер вдвое заберет.

На заборе повисим, посушим,
Совесть, что расплакалась – задушим.
Душим...
За все перемолились, спели «Символ Веры».
Все перекрестились и опять за дело.
Только все коряво, криво и убого.
Даром, что постился да молил у Бога:

Будем жить да припевать,
Божьими птицами летать.
Мы не сеем и не жнем –
Все свободные помрем.

На крылечке посидим, покурим.
Мы теперь свою житуху любим.
Любим...

18 февраля 2014 г.

Стихи студентов колледжа «Царицыно»

Размышления о войне

Никита Косцов, группа П – 223

Сейчас прекрасный 21-й век,
А на войне с фашистскою ордою люди погибали,
Чтоб каждый человек жил в мире,
Смотрел на солнце, а не трупы видел под ногами!

Сейчас порядок, живём без частой боли,
А что же было в те года?
Наши прадеды пролили много крови,
Чтоб делом нашим не была пальба!

Автоматы, оружия, «Катюши», пушки, танки –
Шёл на войну буквально каждый.
Шёл, забыв про здравый смысл,
Мечтал за Родину пасть дважды!

Закрыв глаза, представил я кровопролитье,
Но голова от этого кружится.
Могу я Родиной гордиться:
Мы – победителей страна.

Вновь ринуться в бой,
Все, как один, готовы,
Если нас позовёт Она!

Сейчас мы все – и в мире, и в любви...

Алина Шиповская, группа МР-131

Серое, хмурое утро наступит,
Грохнут снаряды – и снова стрельба.
«Это наши с волками воюют!» –
Вновь повторяет мать моя.

Сотни потерь каждый час, каждый миг:
Теряют любимых, близких, чужих.
Тот, кто совсем к войне не привык,
С плачем хоронит своих родных.

Свистели шашки, дым висел,
Сходились танки на земле.
И те, кто жизнь отдать хотел,
Не думал о своей судьбе.

Бомбили нас, приумножая беды,
Хотели развалить великую страну,
А наши предки – прадеды и деды –
Сражались, проливая кровь в засохшую траву.

Тяжелое время: ни хлеба, ни соли...
Совсем не щадят нас фашисты в бою.
Порой, задыхаясь от крика и боли,
Я Бога единого слезно молю!

Храни нашу Родину! Дай нам сил
В этой страшной, нелегкой войне!
Чтоб росли цветы, а не сотни могил
Преграждали дорогу мне.

Сейчас мы все – и в мире, и в любви,
Пусть кто-то скажет, что не так живется.
За подвиг тот мы отдадим долги,
На клич: «За Родину святую!» – отзовемся!

Память

Виолетта Оганесян, группа Т-142

И тиканье её часов в пустой квартире одинокой
Так звонко пробивает час...
Сонливым утром до восхода, где еле слышим чаек крик,
Я жду письмо из мест далеких,
Из мест когда-то мне родных.

Тот дом наполнен лаской чистой.
Не помню боли я совсем.
Пронзающий тот смех детишек
Остался в памяти моей.

Трясутся руки, голос хрипок,
Седая прядь свисает вниз...
Ступая к полу, как он скрипок,
Иду, вперёд не отступив.

Болят колени, ноги сводит,
Наполнились глаза слезой.
Открыта полка, не пылима,
Заполнена большой тоской.

Он пишет, как здесь горя много,
Пролита кровь молодых ребят,
Товарищей. Как это больно:
Людей своих в войне терять.

«Родная, небо серо... Фашисты снова в бой идут!
Земля сыра, но душу греет
И силу Матушке даёт...
Вчера бойца нашли в окопе, когда затих на миг обстрел,
Стекала в лужу струйка крови, глаза открыты,
Я в них смотрел...
С лица провёл рукой осыпки,
Промыл лицо его водой,
И в ту минуту, до последней, молился, хоть бы был живой!
Гори в аду, наш враг проклятый!
Россию – Родину люблю!
Навеки вечные скажу Вам:
«Ни за что не отступлю!»
Мы до последней капли крови

Станем Землю защищать,
Дабы вскоре наши внуки могли спокойно, мирно спать.
Я нёс его, родная, нёс я!
До обессилия, но шёл...
Его дыханье затихало... С пути ни разу не сошёл!
Стрельба кругом, взрывают мины,
«Не падай духом», – шепчет мне
Голос некий. Видно, мне же
Послан где-то вдалеке.
Рука его с моих упала,
Глаза он больше не открыл,
Его дыханье замолчало,
Упал я с ног и прислонил.
Так крепко я обнял родного.
И слез не мог здесь удержать..
И в ту секунду показалось,
Что всех готов тут расстрелять!
Прости, родная!
Тут все строго!
Не нам часов смертельных выбирать..
Ваш сын сражался до последней,
Героем Родины чтоб стать!»

Не слышны удары часа,
Затихают мои часы,
Я так ждала своего солдата!
Я так ждала его с войны!

И нет и сна без слез всех горьких,
Я помню голос, как вчера,
Тот смех пронзающий ребёнка
Мать будет помнить ведь всегда!

Мы воевали

Вера Андреева, группа МГ-07

Мы воевали, как могли,
За Родину, за мать, за сына.
Под землю многие легли.
Мы пострадали все невинно.

Мы воевали за Отчизну,
За жизнь, семью и мир вокруг.
И как же трудно это было,
Но не поймёшь ты это, друг.

Враги своё все получили.
Нам было сложно отстоять,
Но мы смогли, мы победили.
И День Победы надо знать.

Спасибо вам, друзья, родные!
Сейчас спокойно нам за вас.
Прошли все схватки боевые.
Спасибо всем, кто помнит нас.

Рисунок Екатерины Кутаковой, группа Т-01. Ужасы войны

Столько лет прошло, но об одном и том же...
Каждый год миллионы ощущают дрожь по коже,
Каждый год на могилах чтут память усопших,
Каждый год возлагают цветы у подножья,
Огромной колонной проходят полки,
И смотрят, и плачут при виде их старики.
И крики в душе у тех, кто остался,
Кто смерть победил, кто фашистам не сдался,
Кто крошки делил и в зной, и в снега
Не сможет забыть о войне никогда,
О грязи и крови, о тушёнке из банки,
О том, как в первом бою бился в припадке,
Ведь страшно всем... Но не смерти бояться,
Когда на пули бегут, безрассудно сражаться,
Бояться за мать, за сестру, за отца,
Бояться не увидеть родного крыльца.
Но это прошло, давно; но что важно:
Страх не ушел, до сих пор за Родину страшно,
За тех, кто не чтит, за тех, кто забыл.
Ведь как можно забыть то,
Без чего б ты не жил?

Если бы мысли и силы человечества перестали тратиться на войну, мы за одно поколение смогли бы положить конец нищете во всем мире.

Бертран Рассел

**Локальные войны: люди, события, судьбы
Сборник воспоминаний студентов, сотрудников
и гостей колледжа «Царицыно»**

Компьютерная верстка: М. Б. Фадеева
Редактор А. Ф. Балашова

Электронная почта для отзывов о сборнике
AlexandraFedorovna@gmail.com

Государственное бюджетное профессиональное
образовательное учреждение города Москвы
«Московский колледж управления, гостиничного бизнеса и
информационных технологий «Царицыно»

Адрес:

г. Москва, Шипиловский проезд, дом 37, корпус 1.